Ярослав КОВАЛЬ
МАГИЯ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
МАГИЯ СЛЕДСТВИЯ

Ярослав Коваль

Магия госбезопасности

Серия «Магия специального назначения», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=256632
Магия госбезопасности: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0295-1

Аннотация

Мир изменился, на Землю вернулась магия, и привычному укладу жизни пришел конец. В условиях наступившей следом анархии власть захватить смогли те, кто первым освоил новообретенные способности. В их числе ОСН – государственная Организация Специального Назначения.

Жизнь не стоит на месте, новое искусство развивается, и вот оно уже преподносит сюрпризы новоявленным чародеям, лишь недавно получившим в свое распоряжение сверхъестественные силы. Представители ОСН сталкиваются с новой, непонятной им магией, и нужно приложить немало усилий к тому, чтоб понять, есть ли способ справиться с ней, где ее источник, и можно ли повернуть неожиданную проблему себе на пользу. Сотруднице ОСН Виктории Бельской по прозвищу Кайндел

предстоит отыскать решение, не забывая при этом о смертельной опасности, преследующей ее по пятам. Однако и враг может внезапно превратиться в союзника, если гибель грозит обоим.

Ярослав Коваль
Магия госбезопасности

В Ленинградской области спешило радоваться жизни до предела наглое в своей роскоши, оголтело-гостеприимное бабье лето. Иван-чай заполонил собой все влажные, открытые солнцу клочки земли, спешил отцвести и отплодоносить, обеспечить своему растительному народу благоденствие на занятых землях. В сумрачных еловых лесах стало светло и весело, а озерца и реки выглядели столь соблазнительно, что в них тянуло плюхнуться хоть и в одежде. Городские жители ругались последними словами на садовый инвентарь, и обсуждая урожай, выжатый со своих клочков земли, чувствовали себя истинными селянами. А селяне спали по ночам от силы три часа. Все остальное время – работали на полях.

Но все это было для Кайндел лишь абстрактным фактом, результатом усилий ее воображения, потому что ничего подобного вокруг себя она не видела. Если в ее родном мире еще толком не успело закончиться лето, то здесь, в Иаверне, зима держала природу в своей полной власти.

Курсантам ОСН даже не дали толком справить Новый год, хотя гипотетическое первое января тут уже миновало. Под утро следовало, как всегда, в семь утра явиться в тренировочные залы, и на негромкий, но уверенный ропот своих

подопечных Офицер, заменявший здесь Шреддера, сперва просто с многозначительной угрозой свел брови, когда же это не помогло, ответил:

– Ну вы совсем, блин, озверели, господа курсанты. Два раза праздновать Новый год – не жирно ль будет?

Ему не решились возражать. С этим человеком вообще трудно было спорить. Стоило ему перевести на бунтовщика свой суровый взгляд, как желаемое сразу казалось незначительным, и хотелось со всем согласиться. Поэтому свое недовольство курсанты постарались упрятать поглубже.

Единственные, кто не понял, чем недовольно большинство, – иномиряне. Горо вообще обожал тренировки, он и в привычные для него праздники не забывал тренироваться, Лети была тиха и незаметна, а иавернцы просто счастливы от того, что находятся в родном мире. Правда, самый любознательный из них, Аданахаур, спросил у Кайндел, почему все так огорчены. Ее ответ превратился в развернутую лекцию о традиционных праздниках ее родного мира, их постепенном преобразовании в современные и причинах этого преобразования. Двое других иавернцев, которые подошли послушать (они ведь всегда держались вместе, уже привыкли к этому в чужом для них мире и продолжали здесь), вернее, один из них – Федеван Черный – заметил, что у них в Иаверне тоже есть подобный праздник.

– Конечно, – немедленно ответила девушка. – Каждый из наших современных праздников уходит корнями в глубокую

старину, где люди были слишком ответственными и занятыми, чтоб устраивать празднества на пустом месте. Большинство праздников так или иначе привязаны к сельскохозяйственному календарю, то есть к переломным моментам сезонного цикла. Это естественно, потому что даже если отдельно взятое племя, празднующее эти праздники, не сеяло и не жало, все-таки сезоны имели для них огромное значение. К примеру, весной рыба идет нереститься, летом тепло и легче добыть зверя, а во время зимней охоты надо точно знать, когда стемнеет. Поэтому главный зимний праздник – это, как правило, празднество, знаменующее тот самый момент, когда зима, символизирующая смерть, все-таки сдает позиции, и начинается путь к возрождению природы и мира. Прежде Новый год у нас праздновался в канун зимнего солнцестояния, отмечая самый короткий день в году. Потом немного сдвинулся относительно официального календаря.

Федеван, внимательно выслушавший ее лекцию, покивал головой.

– Именно так. Наш зимний праздник тоже отмечает самый короткий день в году. Перелом зимы. – И, поразмыслив, добавил: – Наши народы похожи.

Иаверн поразил Кайндел тем, что сперва показался миром чрезвычайно комфортным и даже родным. Правда, это ощущение почти сразу развеялось, и стало ясно, что место это странное и незнакомое. Даже, пожалуй, совершенно чуждое уроженцам ее родного мира.

Здесь царил своеобразного вида феодальный строй и рабство, впрочем, с довольно патриархальными традициями и установлениями. Курсантов и офицеров ОСН поселили в огромном замке правителя одной из областей, и здесь они имели возможность наслаждаться всеми благами того образа жизни, который вела верхушка местного общества. По утрам служанки подавали каждому из них горячее питье (так тут было принято), ни одному из гостей не приходилось ухаживать за своими комнатами и одеждой, растапливать огонь в каминах (в замке имелось центральное отопление, но в самые сильные холода тепла и уюта добавлял живой огонь), готовить еду.

Утром курсанты спускались в большой тренировочный зал со стеклянной стеной и потолком, устланный плотными овечьими коврами, завтракали и обедали в большой столовой, где после них ели бойцы правителя, а после них – слуги. Свободное время можно было проводить в зимнем саду, где росли диковинные растения и цвели необычные цветы с густым запахом, гулять вокруг замка. Можно было ходить по замку, заглядывать на кухню, в парадные залы и библиотеку, во многие другие помещения, но выходцы из другого мира почти никуда не ходили. В лабиринте помещений замка запросто можно было заблудиться, особенно с непривычки, а поскольку никто из них не знал местного языка, после подобной прогулки элементарно не смог бы добраться обратно до своих комнат.

Кайндел, пожалуй, была единственной, кто регулярно ходил в замковую библиотеку. Правда, не за книгами, конечно, потому что, как и все остальные, языка и местной письменности не знала. Даже самого лучшего из составленных ею заклинаний перевода хватало только на то, чтобы понять подписи к рисункам. Именно их она и рассматривала. Гравюры и цветные миниатюрки были выполнены в своеобразной манере, немного напоминающей египетскую – обязательный определенный поворот туловища и головы, неизменная статичность. Правда, при всем при этом изображения были вполне наглядны и казались живыми.

За первую неделю жизни здесь девушка выучила около десятка слов местного языка, за вторую – почти сотню, дальше дело пошло веселее. Приходилось прилагать изрядные усилия, настойчиво вызывать служанок на диалог (они же все норовили молча сделать свое дело и удалиться), расспрашивать двоих наставников военного дела, худо-бедно знающих русский. Эти оказались столь же неразговорчивы, как и прислуга, пользовались чужим языком лишь тогда, когда надо было рассказать о каком-то сложном приеме обращения с оружием, а попытки Кайндел побеседовать на посторонние, не учебные темы сперва воспринимали с недоумением, даже враждебно. А если все-таки отвечали, делали это крайне лаконично, сухо, сдержанно.

Девушка действовала упорно и настойчиво, но отлично понимала, что говорить на языке Иаверна начнет не ско-

ро. Однако воспринимать общий смысл того, что говорили окружающие, она начала уже к середине первого месяца жизни здесь. Изучение языка методом погружения в среду именно тем и хорош, что человек, оказавшийся в обществе иностранцев и вынужденный тесно контактировать с ними, поневоле настраивается на общий с ними ритм мышления. Это вопрос психологии, подобное явление сложно объяснить иначе, однако факт остается фактом. Возможности любого человека индивидуальны, но Кайндел, помимо всего прочего, от природы была очень музыкальна, поэтому оттенки чужой речи стали прозрачны для нее намного раньше, чем для многих других ее соучеников.

К тому же ее задачу облегчали навыки работы с информацией. Конечно, большинство местных обитателей были очень замкнуты, и лишь сильные эмоции она способна была безошибочно прочесть по их скудной мимике и жестикуляции. Но, возможно, проблема заключалась в том, что это все был совсем чужой народ, совсем иные привычки и традиции. Даже простые служанки, что бы ни случилось (хоть суп им на платье опрокинь), только безразлично улыбались и не меняли тона. Что уж говорить о воинах.

Она быстро поняла, что воины здесь занимают главенствующее положение. Чем выше было мастерство воина, тем большим почетом и уважением он пользовался. Правитель же, которого Офицер именовал «лорд Иедаван», считался если не самым лучшим бойцом в своей области, то по край-

ней мере одним из лучших (из-за проблем с языком Кайндел так и не сумела выяснить этот нюанс).

Она видела его всего пару раз. Лорд приходил на занятия и, остановившись у двери, смотрел, почти не мигая, на курсантов, и через некоторое время уходил. Кайндел не знала, почему Один (или кто там решал этот вопрос) отправил ее и всех ее одногодков учиться в Иаверн. Только ли потому, что здесь им могли дать самые лучшие и самые неожиданные навыки владения мечом? Или у этого был какой-то другой резон?

Разумеется, их обучали не только владению оружием, но и магии, и рукопашному бою, читали лекции по тактике, стратегии, обращению с военной техникой, медицине и уйме других важных тем. Но перекос в пользу физических нагрузок прослеживался. Для тех из курсантов, кто демонстрировал явное отсутствие большого магического дара, и для тех, кто, наоборот, был даровит, но и сам справлялся с многими теоретическими вопросами, сокращали лекционные часы, давали возможность заниматься самостоятельно.

– Тебе, Кайндел, вообще повезло, – сказал Офицер, когда она решилась полюбопытствовать у него, почему их учат здесь, а не на родине, – что в Питере сейчас спокойно. Воспринимай обучение здесь как небольшой отдых персонально для себя. Если бы Алый Круг активизировался, тебя немедленно истребовали бы обратно, трудиться на источниках энергии.

– Это я понимаю, – терпеливо ответила она, зная, что если Офицеру не захочется отвечать на ее вопрос прямо, то добиться чего-то она не сможет. Поэтому придется довольствоваться тем, что есть.

– Что же касается причин, почему курсантов обучаем именно здесь, так это значительная разница в течении времени здесь и в нашем родном мире. Здесь время идет несколько быстрее, так что вы за тот же временной отрезок (относительно Петербурга и России, конечно) сможете усвоить намного больше знаний и приобрести больше навыков. Все ясно?

– Так точно, – по-военному четко произнесла Кайндел. – Но местным-то обитателям какая выгода от нашего обучения здесь? Почему они на это согласились?

– Это их с Одином дела, – уклончиво ответил ее собеседник, и девушка поняла, что настаивать нет смысла. И так понятно, что речь идет о каких-то поставках, то есть о чисто торговых делах. И уже неважно, кто, что и кому поставляет. – Их с Одином и Политиком.

– Все ясно.

– Отправляйтесь на занятия, курсант!

Но, надо признать, здесь она чувствовала себя даже немного лучше, чем на родине. Воздух в Иаверне был почище, посвежее, намного больше свободного пространства, и по утрам можно было выглядывать на балкончик подышать хоть и морозным, но очень приятным ветерком, наносимым

с запада, с занятых лесом областей. Замок, как почти везде, где имелись к тому возможности, был построен на каменистом скальном основании, и возносился над ландшафтом, как одинокая гора над равниной. Ему доставалась самая щедрая порция ветра со всех сторон света (но, правда, стены были сложены со знанием дела, и потому замечательно держали тепло), и больше всего солнца. Он царствовал над селеньями и городишками, которые можно было разглядеть с вершины замковых башен, точно так же, как его владелец полноправно распоряжался своей областью.

Перед ним никто не сгибал колен, даже голову не склоняли, но Кайндел сразу поняла, какой огромной властью он обладает, как внешней, так и внутренней. Мало что ей удавалось прочесть по его лицу, и даже тому, что прочла, впервые в жизни без особой на то причины решила не поверить. Потому что в его взгляде – фактически единственном прямом, внимательном взгляде за все время ее здесь пребывания – девушке почудился интерес.

Но отношение правителя к ней по большому счету ее не касалось совершенно, поэтому она и не стала забивать себе этим голову.

Куда важнее были занятия магией и обстановка в Петербурге.

Первый раз из Иаверна ее вызвали через три недели. Ничего важного – просто несколько вопросов, а заодно проверка состояния двух магических источников. Снова был край-

не неприятный переход между мирами (Кайндел казалось, что ее тянет и скручивает, размазывает между пространствами, но при этом отлично знала – для нее этот переход куда менее болезнен, чем для остальных). Но зато она намного быстрее, чем остальные, приходила в себя после всего этого.

И здесь, когда перед глазами рассеялось, она еще заметила Вадима, парня из техномагов, который обычно контролировал процесс перехода из мира в мир (межмировой телепортацией пока занимались только техномаги, их монополию никто еще не сумел нарушить). Он помахал ей рукой, как только заметил, что она открыла глаза, и, свернув переносную технику – ноутбук с присоединенными к нему техномагическими приспособлениями, похожими на абстрактную скульптуру в стиле модерн, – поднялся. Потому его и не замечали остальные курсанты, что к моменту его ухода едва ли могли открыть глаза, а уж понять, что вокруг происходит – тем более.

Ее прихода в себя ждали Роннан и Шреддер. Они же помогли ей подняться с дивана, куда ее уложил Вадим, и подвели к окну.

– Жарко-то как! – выдохнула девушка, стягивая с себя теплую куртку.

– Конечно, после зимы, – согласился Эйв. – Пива хочешь?

– А можно? – удивилась она.

– Немножко – можно.

– Тогда зачем же вы меня сюда вытащили?

– Тебе Роннан объяснит. – Куратор курсантской группы достал из холодильника трехлитровую бутыль самодельного пива, отлил в кружку, протянул Кайндел и, к ее удивлению, поспешно вышел из комнаты.

Девушка подошла к открытому окну, выглянула наружу. Внизу серой лентой в черных заплатках тянулась набережная, ветер морщил водяное полотно канала, и солнце преломлялось в мириадах чешуек мелкой ряби, ровной, будто огранка кристалла. На той стороне качали кронами тополя, и за оградой детского садика возились в песочке и просто грязи малыши всех возрастов от самых крошечных и до «предшкольных».

Комнатушка, куда ее перетащило из мира Иаверна, была, как и все офисы в здании ОСН на канале Грибоедова, очень бедна мебелью – компьютерный стол, кресло, узенький диванчик, на котором сейчас с ворохом бумаг разместился зам главы Организации, а раньше были разложены техномагические приспособления для телепортации. На широком подоконнике ждало блюдо с салатом и бутерброды с копченой рыбой – после межмирового путешествия обязательно следовало подкрепиться.

– Так что произошло-то? – спросила она, жуя.

– Пришла в себя? – уточнил Роннан, поднимая голову от бумаг. – Отлично. Можно еще чая попросить, если хочешь.

– Нет, нормально…

– Ситуация такова – наши специалисты тут занялись уста-

новкой стационарного портала между Выборгом и Петербургом. Не без помощи техномагов, надо признать, нам пришлось расплачиваться с ними энергией из твоего источника. Сама понимаешь…

– Понимаю, – согласилась девушка. – Один говорил мне об этом. Разумный путь. А что случилось-то? Иссякает энергия?

– Вроде того, – заместитель главы ОСН был хмур. – Причем иссякать энергия стала не из выборгского источника. А из петергофского. Что едва ли можно объяснить напряжением, ложащимся на него из-за возведения и эксплуатации телепортационной системы.

– От меня-то вы что хотите? – насторожилась Кайндел. – Чтоб я посмотрела, каково состояние системы?

– И это, конечно. Чтоб исправила, если есть что исправлять. И выяснила, куда что девается, если исправлять нечего. Причем учти, времени у тебя немного. Уже завтра тебе нужно будет вернуться в Иаверн, так что соображай, как все успеть за сегодня.

– Так зачем вообще тогда было меня сюда вытаскивать? – возмутилась она, торопливо прокручивая в голове варианты действий и составляя план собственной потребности в особых сведениях для решения этой проблемы – чтоб сразу продумать, о чем спрашивать. Проявлялась у нее порой такая дурная привычка – приступать к составлению плана до того, как появится хоть какая-то информация к размышлению. –

Что я могу успеть за неполный день?

– Дать свое заключение – этого уже немало. На досуге поразмыслишь, что да как да почему, и в следующий свой приезд сюда решишь проблему. Потери сейчас не настолько критичны, чтоб рыть носом землю и пренебрегать приглашением правителя. Видишь ли, Иедаван пригласил всех гостей из нашего мира, в полном составе (то есть курсантов тоже), присутствовать на суде. Насколько можно было понять из приглашения, это очень важно для него. И очень важно для нас. Все-таки хорошие отношения ОСН и одного из областных правителей Иаверна много значит.

– Что за суд? – заинтересовалась Кайндел.

– Сначала давай о местных делах. Потом я расскажу тебе все остальное. Ты готова?

– Да. – Она запихала в себя последнюю ложку салата и приняла от Роннана папку.

– Поехали. По пути просмотришь.

– Я, кстати, хотела полюбопытствовать: а как именно выглядят в глазах экспертов утечки энергии?

– Ну ты, к примеру, сможешь ощутить, если источник вдруг неизвестно куда денет некий объем энергии?

– Разумеется.

– Ну, вот и они, видимо, так же…

– Совсем другое дело, – возразила Кайндел, торопясь за мужчиной и одновременно пытаясь заглянуть в папку. Заглянуть-то получалось, а вот вчитаться – плохо. – Я создан-

ный мною источник чувствую, причем от и до. А ваши эксперты его не создавали. Они его не чувствуют.

Роннан открыл перед ней дверь своего джипа, мигнул ожидающему в отдалении бойцу в зачарованном бронежилете и при мече.

Выглядело это по-дурацки, и девушка первое время косилась на тех оэсэновцев, кто именно так экипировался. Однако к подобному виду боевиков предстояло привыкать. Огнестрельное оружие никто не снимал с вооружения, курсантов продолжали обучать им пользоваться. Но уверенно таскал его при себе только тот, кто знал, что в критической ситуации сможет пустить в ход какое-нибудь смертоносное заклинание. Остальные не обременяли себя оружием, которое изрядно весит, при этом постепенно становится бесполезным. Автомат трудно, почти невозможно было зачаровать настолько, чтобы пули пробивали хорошую магическую защиту. А вот холодное оружие как основа и артефакт-«хранилище» боевых заклятий подходило прекрасно.

Так что чародеи, у которых лучше всего получалось работать с материалами, вкладывать в металлы готовые магические структуры и заряжать их энергией, вместе с кузнецами потели над изготовлением мечей и кинжалов, а также разных экзотических вариантов оружия. Клинком или какой-нибудь боевой загогулиной, снабженной набором убийственных чар, даже не обязательно было хорошо владеть. Достаточно просто быстро реагировать и размахивать со смыс-

лом.

Хотя мастерство здорово помогало в схватке.

Боец забрался в машину, еще один, которого девушка сперва не разглядела, сел за руль. Автомобиль вылетел из гаража, как пробка из бутылки, Кайндел аж взвизгнула на повороте и едва не рассыпала бумаги из папки.

– Ты там аккуратнее, – намекнул Роннан. – Бумаги-то с грифом.

– Каким грифом?

– Все, что я тебе даю читать, либо секретно, либо совершенно секретно. В смысле, «выдаче не подлежит».

– Серьезно?.. Вот только зачем все это теперь? Не лучше ли вообще отказаться от всех этих грифов? Какой в них смысл в нынешней-то ситуации? Одна головная боль…

– Не тем ты сейчас делом занимаешься, Кайндел.

Она послушно уткнулась в бумаги. И уже через несколько минут ей стал понятен принцип, по которому эксперты определяли утечку энергии. Если они не ошиблись, утечка получалась значительная, причем регулярная, а не одномоментная. «Мы еще слишком мало знаем о магической системе мира, – подумала она, – чтоб вот так сразу определить, чем тут пахнет». А потом закрыла папку, откинула голову на подголовник кресла, закрыла глаза и сосредоточилась.

Теперь надо было мысленно вернуться на несколько недель в прошлое, пропустить воспоминания, как звенья цепочки, сквозь пальцы, и обязательно последовательно на-

щупать каждое звено. Она в куда большей, чем прочие люди, степени владела собственной памятью. Именно владела. Подавляющее большинство людей со своей памятью лишь соседствуют, как с совершенно посторонним, лишь хорошо знакомым человеком. Добиться от нее чего-то они могут лишь «по согласию» с ее стороны, и вспомнят только то, что им позволено будет вспомнить. Кайндел же управляла содержимым своей памяти, как имуществом в своем письменном столе.

Она подробнейшим образом (насколько это вообще было возможно даже при обращении с такой натренированной памятью, как ее) изучила все сложности своей прежней работы с петергофским источником, все интонации своих ощущений. Девушка не могла рассчитывать, что ей запросто удастся найти слабое звено в своей работе. Тем более что тогда она двигалась ощупью, и до сих пор не знала точно, где и когда сталкивалась с проблемами, созданными ее собственной неумелостью, а когда – теми, что оказались буквально предрешены сложностью стоящей перед ней задачи, где и когда в действительности напортачила.

В какой-то момент у нее возникла мысль, что неплохо было бы прибегнуть к помощи «кристаллического снега» – тогда сразу все станет ясно. Но тут же грубо оборвала себя. «Как-то я привыкла, чуть что, прибегать к помощи наркотика, – укорила она себя. – Если так пойдет дальше, у меня атрофируются собственные умения и навыки. Это не де-

ло…»

– Я вижу, эксперты тут вам насыпали целую кучу идей, – сказала она, возвращая папку. – Почему было просто не проверить каждую из них в отдельности?

– Во-первых, эксперты, конечно, ребята умные, сообразительные, в магии смыслят, – усмехнулся Роннан. – Однако кое-какие реалии современного мира естественным образом от их внимания ускользают. И кое-какие варианты, предложенные ими, скажем так, могут иметь место, но маловероятны. Слишком маловероятны, чтоб на их проверку тратить свое время.

– Согласна. Но вы ведь и сами способны определить, что из всего этого наиболее вероятно, господин старший офицер.

– Да. Но я хочу знать точно. Поэтому и обращаюсь к тебе, – Роннан смотрел на курсантку почти безразлично. – Шею не выверни из плеч.

Кайндел покраснела и повернулась к нему затылком. Джип уверенно несся по заплатанному городскому асфальту, и прочие машины, если могли, уходили с его пути. Уж слишком уверенно он пер вперед – обыватели предпочитали не связываться. Мимолетом девушка подумала о том, что люди, борющиеся за порядок, все чаще ведут себя так же, как их оппоненты. Это объяснимо, легко можно оправдать высшей необходимостью, однако по ходу дела одних невозможно отличить от других. «Интересно, возникнет ли это разли-

чие позже», – подумала она.

О том, как должен выглядеть идеальный мир с позиции Ночи, координатора Алого Круга, а также всех ее сподвижников (с которыми у Организации и шла самая напряженная грызня), Кайндел знала достаточно. Если все пойдет так, как хотят они, то общество по социальной структуре вернется к временам замшелого феодализма, где элитой станут чародеи, а все остальные будут лишь расходным материалом. «Может, феодализм, как и монархия, имеют свои преимущества, – размышляла девушка, – но закон все равно должен быть един для всех. Если у общества будет хоть какая-то еще святыня, кроме закона (неважно, деньги это или сила магии), его нельзя будет назвать прогрессивным и перспективным.

Чародеи Круга, само собой, будут упорно стремиться к тому, чтобы в новом мире обладающие магической мощью непременно были «равнее» прочих, какие тут могут быть сомнения… Они никогда не станут ограничивать себя, если их к этому не принудят. Тут с самого начала все было ясно. Сама девушка не могла бы сказать твердо, чего она хочет на самом деле. Признаваясь себе самой в глубине души, она соглашалась, что это было бы здорово – принадлежать к элите, иметь особые права и возможности, словом, наслаждаться жизнью и не задумываться о серой массе обывателей под ногами.

Однако на каждого сильного всегда найдется более сильный. И тогда сразу станет ясно, что общая несправедливость

– не есть хорошо. Поэтому Кайндел твердо стояла на позиции, что закон должен быть един для всех, и это основа всех основ.

Ей казалось, что Один считает так же. По необходимости отношения внутри ОСН были весьма демократичны, курсанты коротко и свободно общались со старшими офицерами, не раз и не два дрались плечом к плечу, и были уверены, что всякое еще предстоит. Поэтому и отношения сохранялись соответственные. Потому безоговорочно верилось в то, что будущий порядок, устанавливаемый ОСН, будет столь же справедлив.

«Только вот как оно будет на самом-то деле, очень интересно…» – подумала курсантка и мысленно отругала себя, что думает не о деле, а о каких-то посторонних вещах.

Автомобиль пронесся по Ленинскому проспекту, вылетел на проспект Стачек и, хрустя шинами по ломаному асфальту, прибавил ходу. Благо огромные колеса и мощные рессоры джипа позволяли это сделать даже на такой разбитой дороге, как эта. Автомобиль с приличной резвостью скакал по ухабам там, где совсем недавно машины еле ползли – двухполосная дорога не располагала к быстроте, особенно если происходила авария или просто какая-нибудь небольшая поломка. Теперь здесь ездили разве что грузовые машины, и Кайндел лишь успевала дивиться тому, как ловко водитель лавировал между ними, неповоротливыми и медлительными.

Слева потянулись парки, один за другим, справа горделиво проплыло величавое и почти не пострадавшее здание Морской академии, а потом – ограда Константиновского парка, явно кое-где подправленная, со следами очень грубой починки. Причем починки свежей – девушка, глядя на проносящиеся мимо остатки былой роскоши, вспомнила, что в прошлый раз секции ограды представляли собой довольно жалкое зрелище. Теперь, правда, получилось еще хуже, потому что нелепо и уродливо (раскуроченное металлическое литье, по крайней мере, дарило ощущение романтического упадка, какой-то тоскливой грусти о прошлом), но зато давало понять – проход закрыт.

– А кто обосновался в Константиновском дворце? – спросила она, поворачиваясь к Роннану.

– Во Дворце конгрессов? – переспросил заместитель главы ОСН, и по его тону курсантка поняла – у них не было времени и желания поинтересоваться. – Мы не проверяли. Несомненно, там кто-то есть. Но ведут себя тихо.

– Отсюда не так далеко до Михайловки. До парка и до источника.

– Почему именно Константиновский тебя так взволновал? Куда ближе к Михайловскому парку расположены коттеджи. Кстати, они тоже в приличном состоянии, сразу видно, что за ними ухаживают.

– Меня не так уж волнуют коттеджи, – нетерпеливо ответила девушка. – Попросите водителя вернуться к воротам

Константиновского дворца и встать там где-нибудь.

– Делай, – переадресовал Роннан, пожимая плечами.

– На стоянке у трамвайного кольца сойдет? – уточнил боец, лихо разворачиваясь в обратном направлении.

– Ёлки! – охнула она, ударившись плечом о выступающие части двери. – Да, сойдет.

Не сказать чтобы у старого Дворца конгрессов было пустовато – пара грузовых машин стояли гуськом у ворот, водители ждали чего-то, топчась у кабин автомобилей, один из них, сонно жевавший щепочку, посмотрел на заруливший к стоянке джип с одобрением и легкой завистью. Несколько мгновений Кайндел молча наблюдала за дворцом, после чего поинтересовалась у Роннана:

– А моя форменная куртка тут где-нибудь имеется?

– Имеется, – проворчал тот и покосился на бойца, сидевшего рядом.

Тот извлек откуда-то и протянул девушке куртку.

– Что, одна, что ли, пойдешь? – спросил он у курсантки.

– Так точно, – с привитой механистичностью ответила она. И пояснила для Роннана: – Я только посмотреть.

– Что именно?

– Мне сейчас сложно ответить на этот вопрос. Я еще не знаю.

– Однако будь добра…

– Состояние источника я могу определить и отсюда. У меня есть кое-какие соображения, куда именно может уходить

энергия. Возможно, так можно будет определить и то, как именно она уходит.

– Возьми бойца.

– Ну его, – совершенно не по-уставному отмахнулась Кайндел. – Роннан, поверьте, в такой непосредственной близости от собственного источника я почти неуязвима.

– Я выйду с тобой, – ответил заместитель Одина и открыл дверь. Легко выбрался наружу – несмотря на свой возраст (уже под пятьдесят), он был подвижен, как мальчишка, и столь же легок на подъем. – Так, излагай.

– Сейчас, – покорно ответила девушка.

И замолчала.

Она действительно отлично чувствовала созданный своими руками источник даже на таком расстоянии. До его центра, разместившегося в Михайловском парке, отсюда было еще километра четыре, однако расстояние не создавало для нее, теперь фактической владелицы этого места, никакой проблемы. Все оттенки энергий, перекатывающихся в глубине источника, все особенности подходящих и отходящих потоков, все особенности движения этих потоков она воспринимала отлично и безошибочно.

Утечка действительно была. И даже не маленькая. Причем следов вмешательства со стороны отсюда Кайндел не заметила – а ведь была уверена, что такое не скрыть, по крайней мере от нее. Потом сообразила, что смотрит не так и не там, где надо, потому что следы самого по себе вмешательства

пока не столь важно обнаружить. Куда важнее увидеть направление движения энергии, которую кто-то каким-то образом сумел похитить.

К собственному изумлению, девушка поняла, что таких направлений аж три.

– Ладно, я пошла, – сказала она Роннану.

– Стоп, курсант! Куда это ты собралась?

– Вот туда, – она показала на Константиновский дворец. – Взгляну, что там происходит. А потом погуляем по Михайловскому парку.

– У тебя будет не больше часа.

– На все про все?

– Именно так. – Роннан покосился на часы.

– Я учту. Постараюсь успеть.

Она направилась к воротам с уверенностью хозяйки, вернувшейся в свое родовое поместье. Отодвинула водителя первого грузовика, который, заметив охранника, выглянувшего наконец из своего домишки, поспешил было к нему. И шагнула в калитку первая.

– Кто и куда?

– С начальством переговорить, – высокомерно бросила девушка. Всегда в смутные времена наглость и уверенность давали больше преимуществ, чем реальные права или даже сила. Да и не в смутные порой – тоже.

Охранник нахмурился и, судя по выражению лица, мысленно полез чесать затылок. Он явно не знал, что предпри-

нять, однако положение давало ему возможность, по крайней мере, засомневаться – а имеет ли девица право хоть на что-то?

– Прием в школу закончен, – нашелся он наконец.

«В школу?» – удивилась она. Повела взглядом по парку, заметила в отдалении одну или две фигуры, облаченные во что-то длинное и широкое – и все поняла. Едва удержалась от ехидного смешка, но все-таки удержалась, потому что прекрасно владела собой. Окатила охранника еще более высокомерным взглядом и решительно оттолкнула его с дороги.

– Меня прием в вашу школу нисколько не интересует. Надеюсь, там, – она кивнула на парадный вход в здание, – найдется кто-нибудь, чтоб проводить меня в кабинет к вашему… как там его… директору?

– Разумеется, – с облегчением проворчал парень и повернулся к шоферу, уже почти минуту тыкающему перед собой какой-то бумагой с корявой печатью.

По аллее, усыпанной мелким гравием, Кайндел шла неспешно и старалась особенно не вертеть головой. Она вспоминала любую информацию о последователях книг Джоан Ролинг, когда-либо попадавшуюся ей на глаза. И вспомнила даже название одной из школ, будто бы учрежденных в Петербурге («будто бы» она употребляла лишь оттого, что не была уверена, так ли это на самом деле, потому как сама не проверяла достоверность сведений) – Вейовия.

А когда увидела то же название, выведенное на табличке у двери, улыбнулась от души.

«Во маньяки»… – подумала она, но тут же оборвала саму себя. Почему бы магической системе, описанной в книгах английской домохозяйки, в условиях нового мира не оказаться действенной? Она, конечно, неудобна по сравнению с принципом построения заклинаний, которым сейчас пользуется большинство, но, возможно, имеет свои преимущества.

Позабавил ее и вид молодых людей, прогуливавшихся по аллейкам и посматривающим на нее с настороженным любопытством. Их явно хотели нарядить приблизительно так, как наряжались в фильме, но проблемы с тканью все еще стояли чрезвычайно остро, и потому мантии получились узкими. Они больше смахивали на обычные пальто и зачастую выглядели нелепо. Хотя определенный дух был соблюден.

Девушка вошла в холл Константиновского дворца (выглядел он роскошно, хотя и с плохо скрытыми следами погрома, впрочем, судя по всему, довольно давнего) и задержалась, рассматривая объявления, прикрепленные кнопками к доске у входа. Расписание занятий, условия приема и внесения платы за обучение, объявления по поводу пансиона, меню обеда на сегодняшний день. Листок, где была расписана программа обучения по курсу «зельеварение», заинтересовал ее необычайно. Она подошла поближе и принялась изучать список необходимых ингредиентов, а также их стоимость. Обычные травы, никаких мандрагор или лягушачьих

язычков в списке не оказалось. «Интересно, хоть каких-то результатов они добились, или это просто попытка поставить эксперимент? Или дело в заклинаниях, которые дополнительно накладывают на состав?» В объявлении об этом, естественно, не было сказано ни слова.

– Чем могу помочь? – спросил, подходя, охранник – немолодой человек с ярко-сизой шевелюрой и явно с сильной энергетикой. Должно быть, хороший маг.

– Мне нужен директор. Или кто тут у вас главный? – поинтересовалась Кайндел. – Ректор?

– Директор. Идемте, я провожу.

По широкой лестнице, кое-где застеленной кусками ковровой дорожки, а кое-где нет, девушка следом за магом-охранником поднялась на второй этаж, вошла в предупредительно распахнутую перед ней дверь и спокойно уселась в кресло для посетителей, не дожидаясь приглашения. Пожалела, что не курит – так эффектно и многозначительно было бы сейчас вытащить пачку сигарет, прикурить… Но даже к трубке она уже год не прикасалась – не тянуло, да и не стоило оно того…

Поверх стола, заваленного какими-то бумагами, на нее с недоумением смотрел мужчина лет сорока, а может и пятидесяти, с густой шевелюрой, гладко выбритый, кареглазый. В первый момент он не показался ей сильным чародеем, однако можно было предположить, что раз он возглавляет эту школу, значит, на что-то способен.

– Что вам угодно? – хотел спросить высокомерно, однако получилось растерянно. Мужчина явно не привык к такому поведению в своем кабинете, и его мысли она читала по лицу, будто с печатного листа. Он явно видел в ней либо представителя преступного магического сообщества, от которого придется откупаться, либо представителя какой-нибудь власти, которому опять же надо будет что-то сунуть в лапу. И как-то договариваться.

Кайндел тянула время и сдержанно разглядывала комнату.

Здесь явно и раньше был чей-то кабинет, потому что неплохой ремонт со следами давнего разгрома был рассчитан на офисные функции, и позднее более или менее восстановлен с тем же прицелом. Компьютер на массивном, явно самодельном деревянном столе был со всех сторон обставлен кактусами, на полках громоздились тетради, разбухшие от листков, кое-как скрепленные листы альбомной бумаги, книги и еще уйма всего. А на столе поверх расчерченной цветными карандашами схемы, выполненной на кальке, были горкой насыпаны точеные темные палочки. «Волшебные, что ли?» – удивилась девушка, но проверять, артефакты это или просто бутафория, не стала.

Все-таки последнее было бы невежливо.

– Мои приветствия, – без спешки произнесла она. – Вы, как я понимаю, директор данной школы?

– Именно так, – нервничая, подтвердил тот. – А вы кто?

– А я, собственно говоря, хозяйка источника магической энергии, к которому вы столь изобретательно, не побоюсь этого слова, припадали. Очень приятно познакомиться. – И, поднявшись из недр кресла, перегнулась через стол, пожала вялую, холодную руку.

– Не понимаю, о чем вы, – вяло пробормотал он.

– Ну-ну, позвольте. Солидному человеку как-то не к лицу принимать позицию: «Я не я, и корова не моя». Тем более в ситуации, когда все очевидно. Давайте поговорим серьезно и без недостойных выкрутасов.

– Я только не понимаю, какое отношение вы имеете к источнику…

– Так, прекрасно, – повеселела она. – Существование источника мы признали. Уже хорошо. Просто прекрасно. Пойдем дальше. Какое отношение я имею к источнику? Он мой, я его создала.

– Вы утверждаете, что создали источник? Чушь! Все знают, что средоточия магической энергии образуются только естественным образом. Не надо корчить из себя всесильного мага.

Откинувшись на спинку кресла, девушка с легкой улыбкой разглядывала собеседника и молчала – она чувствовала, что таким образом его можно будет смутить еще больше.

– Для директора магической школы, – зажмурившись, будто кошка, проговорила она, – вы поразительно невежественны. Вы что, действительно не способны отличить при-

родную область магической напряженности от источника, сформированного искусственно?

– Кхм… – Мужчина слегка смутился, отвел взгляд, побарабанил пальцами по столу. – Отличить я, разумеется, могу, и ваша ирония тут не уместна. Однако ближайшее средоточие… Мы ведь об одном и том же говорим?.. Ближайшее средоточие мало похоже на искусственное образование.

– А вы много искусственно созданных источников в своей жизни видели?

– Кхм… Согласен, немного. Но я, поверьте, до определенной степени представляю себе, как они должны выглядеть.

– То, что принцип построения структуры энергообмена может быть и какой-то еще, иной, нежели тот, что вам представлялся, вы допускаете?

– Допускаю, конечно.

– А теперь припомните структуру источника в Михайловском парке. Особенности ее функционирования. Например, симметричность, что нехарактерно для естественных образований.

– Я был уверен, что она – естественного происхождения! Мало ли – симметричность! В природе чего только ни бывает.

– В этом вы ошиблись. Что не страшно. Каждый может ошибиться.

– Даже если это и так… Откуда мне знать, что именно вы – создательница и владелица Михайловского средоточия?

Кайндел мечтательно подняла глаза к потолку.

– Кстати, замечательное название: «Михайловское средоточие». Таинственно и ни фига не понятно… Откуда знать? Надо было знать. Раз уж вы решили пользоваться энергией неизвестного происхождения, следовало убедиться, что она – ничья.

– Вас рядом не было, знаете ли.

– Кстати, а как вам вообще удалось подключиться к чужому источнику? Что за хитрая манипуляция?

Директор набычился, и по его глазам девушка поняла – он с самого начала знал, что энергия берется из чужой собственности, попросту воруется. Но явно рассчитывал на то, что вмешательство, и не одно, останется незамеченным.

– Чего вы хотите? – отрывисто спросил мужчина, и она осознала – прямого ответа на свой вопрос ей не добиться.

А значит, надо осторожно покружить вокруг да около, чтобы выяснить все необходимое.

– Вы имеете в виду, что именно я хочу за пользование моим источником? – хладнокровно осведомилась она, снова пожалев об отсутствии при себе трубки и кисета. Самым удачным сейчас было бы заняться ею, и не без помощи этого предмета превратить беседу в подобие продуманного торга.

– Допустим.

– Допускайте.

– Ладно-ладно, – он раздраженно отмахнулся. – Каковы ваши условия?

– А условия вам следует обсудить с главой Организации Спецназначения, с Одином (если вы слышали о таком). Я, видите ли, принадлежу к ОСН. Мне, видите ли, совсем не жалко, чтоб школа воспользовалась толикой энергии, которая мне сейчас пока без надобности. А ему, может быть, жалко… Однако, полагаю, вы сможете договориться. – Она задумчиво взглянула на него поверх книг и бумаг, наваленных поверх стола. – Вы учите магии молодых людей, значит, вам, по крайней мере, есть чему учить их.

Директор поджал губы и рванулся в спор. Нет, он не доказывал, что его подчиненных нечему учить или что у них ничего нет. Он пытался убедить, что энергия источника, тем более, то ничтожное количество, которое им нужно – мелочь, не стоящая внимания. И, разумеется, оплата должна быть столь же незначительной, раз уж речь зашла о ней. Теперь на первый план вышло то, что ему явно не хотелось делиться своими тощими секретами, и обо всем остальном мужчина забыл. Он не был искусен в споре, поэтому, искусно лавируя между «я не уполномочена это обсуждать» и «что вы можете предложить нашему руководству», Кайндел за пару минут вытянула из него все, что ей было необходимо для заключения.

И тогда, жестом прервав разговор на полуслове, она поднялась и направилась к двери со словами:

– Однако подумайте о возможных условиях. Потому что как хозяйка источника, я без особого труда смогу заблоки-

ровать его для вас.

– Куда мне приезжать для переговоров-то? – окликнул ее горе-директор.

– А вы не знаете? На канал Грибоедова. Дом восемьдесят семь.

И поспешила выйти из кабинета, соображая, куда тут идти дальше.

Роннан ждал ее у машины, но было заметно – он следил за ее продвижением через парк, и, если б охранник попытался задержать ее, вмешались бы оба сопровождающих бойца. Но охранник не стал обращать на нее внимания. Он был поглощен общением с водителями тех двух грузовиков, которые так прочно застряли у ограды Константиновского дворца – что-то у них там не клеилось. Мужчины кричали друг на друга, впрочем, без особого пыла, и среди мата и междометий проскальзывало так мало осмысленных словосочетаний или даже просто отдельных слов, что, проходя мимо, Кайндел даже не сумела понять, чем нагружены эти два грузовика.

Она нырнула на переднее сиденье джипа, и тогда остальные тоже расселись по местам. Автомобиль рванул с места так резко, будто оэсэновец, сидевший за рулем, серьезно опасался погони. Девушка застегивала ремень безопасности уже на ходу.

– Что выяснила? – поторопил ее Роннан.

– Ну, собственно, следующее, – начала она. – Энергию они

брали, все верно, но использовали для этого не собственные разработки, а систему или структуру, приобретенную на стороне…

– Подожди, ты о чем вообще говоришь?

– Прошу прощения. Я начала с середины… В том, что местные ребята в числе прочих воровали энергию, я почти не сомневалась, потому что это было вполне логично… Да, воровавших было несколько. Местные – одни из них. Здесь расположилась магическая школа, как бы это выразиться, с «поттернутым» уклоном.

– С каким уклоном?

– О «Гарри Поттере» слышали?

– Разумеется, – заместитель главы ОСН вдруг совсем не солидно фыркнул. – Так тут что же, учат детишек палочками махать?

– Не совсем детишек и не только махать… Но в целом верно. Одно из направлений магии, почему бы и нет, и если хоть как-то действует, то вполне имеет право на существование…

– Согласен, дальше давай. Просто забавно, сама понимаешь.

– Забавно. Ребята заняли весь дворец, живут при этом в ближайших коттеджах, так что, можно сказать, по праву первозахвата все вокруг принадлежит им. Они воспользовались моим источником, однако больше всего меня заинтересовало то, как они это сделали. Ведь воспользоваться чужим ис-

точником – не такое простое дело. Я знаю.

– Так-так… – подбодрил Роннан, который хотя и делал безразличное лицо, явно заинтересовался.

– Как я поняла, это не их собственные разработки. Для подключения к чужому источнику они воспользовались чужой разработкой, средством, которое у кого-то взяли на время.

– Он не сказал, у кого?

– Разумеется, нет.

– Ты могла бы узнать. Своими методами.

– Моими методами я могу узнать только, кто не продавал им магическую систему, и то при условии, что буду представлять себе варианты. Ну, в смысле, кто это мог сделать. Я не представляю. Разве что техномаги… Может так быть, что подобная воровская система вышла из их рук? – обернувшись, она вопросительно взглянула на Роннана.

Тот хмурился. Техномаги, они же маги-техники, отличались тем, что готовы были торговать чем угодно: хоть своими разработками, хоть чужими магическими изделиями, хоть заклинаниями, хоть тайнами. Разумеется, они соблюдали этику торговцев, и, пожалуй, если им заплатить за то, чтобы они не продавали кому-то что-то конкретное, они, пожалуй, поступили бы именно так. Но факт оставался фактом – техномаги поддерживали деловые отношения с любым, кто готов был платить, и вполне могли, имея в запасе магическую систему для вытягивания энергии из чужого источни-

ка, продать ее. В том числе и школе.

– А ты как полагаешь? Способны они были создать нечто подобное?

Кайндел пожала плечами.

– Построить телепортационную систему намного труднее. Почему бы и нет.

– У тебя будет возможность это узнать. Омдин хочет, чтоб через три дня ты присутствовала на переговорах с Александром Дубковым, главой техномагического сообщества. Как секретарь, ну и посмотрела, может, выудила что-нибудь полезное.

– Тогда почему ж вы не отложили и поездку к источнику на через три дня?

– Не твоего ума дело, – добродушно ответил Роннан, и девушка поняла, что он в целом доволен уже полученным результатом. – Один решил сегодня – значит, сегодня. Что касается завтра, то тебе надо будет поприсутствовать на иавернском суде. Насколько я понял, правитель области, господин Иедаван, собирается судить кого-то из своих людей за предательство, и, поскольку процесс будет гласным и публичным – у них такие традиции, – то пригласил на него представителей нашей Организации. На процесс пойдет Офицер, двое преподавателей и восемь курсантов. Я слышал, ты пытаешься освоить тамошний язык?

– Да я знаю-то всего с десяток фраз, не больше.

– То есть штук на десять больше, чем подавляющее боль-

шинство курсантов. Вот и попрактикуешься, посидишь, послушаешь. Может, поймешь чего-нибудь. Ну и свою подругу возьми. Как символ межмирового содружества.

– И Горо?

– Конечно. Но на эту тему я поговорю с Офицером. И всех трех иавернцев. Кстати, посадишь одного из них рядом с собой, он тебе, вероятно, и сможет растолковать, о чем идет речь.

– Вероятно, – согласилась рассеянная Кайндел.

Она всегда казалась рассеянной, когда глубоко задумывалась. Сознание перебирало мириады подробностей увиденного и услышанного, и строило из этих элементов предположения, а потом, отсеяв наименее вероятные, придавало наиболее вероятным вид гипотезы. Девушка лишь поражалась возможностям человеческого разума – только она, способная увидеть и понять намного больше, чем могли окружающие люди, пожалуй, и осознавала это. Мозг и сам способен был взвесить полученную информацию, каждую крупинку и каждый элемент этой информации, а потом выдать конечный результат – решение проблемы. Надо было просто не мешать ему. Другие люди называли это интуицией, даже предвиденьем. Кайндел же путем долгих упорных тренировок и работы над собой сделала «интуицию» вполне сознательной.

И сейчас, сидя вроде бы молча, закрыв глаза, ничего не делая, она давала себе возможность разложить все по полочкам, структурировать и приступить к анализу. И по ее вы-

кладкам получалось, что система, выцеживающая энергию из чужого источника, должна быть очень хитрым и чрезвычайно опасным изобретением. Судя по тому, что утечек было три, и все три – разного генезиса, не только школа запускала туда лапу.

«Понятно, почему не трогали выборгский источник, – подумала девушка. – Там постоянно толокся народ и немало магов. Оттуда можно своровать немного, но если браться за дело серьезно, это сразу будет замечено. Поэтому удобнее было «пастись» здесь. По крайней мере, пока…

Господи, я ведь так рассчитывала, что, захватив два самых значительных средоточия магической энергии в Ленобласти (не считая того, которое находится в Лодейном Поле, но это очень далеко от города), ОСН решила основную проблему. И теперь сможет спокойно заниматься другими проблемами, в частности другими городами. Например Москвой. Однако мимо такого факта, как кража энергии из источника, просто так не пройдешь. Ну в самом деле, если масштабы действия подобного магического приспособления достаточно велики, приобретенное преимущество фактически сойдет на нет.

Или, если найдутся способы транспортировать большие объемы энергии, ну вроде как нефть и газ по трубам передавать…»

Кайндел открыла глаза, когда Роннан потряс ее за плечо.

– Ты уснула, – сказал он.

– Нет, я думала.

– И что надумала?

– Что надо искать того, кто создал магическую «воровалку», а также того, кто ее одолжил Вейовии. Если это не одно и то же лицо. А заодно искать способы защищать источник от чужого вторжения.

– Ну, до этого и я додумался, – ответил мужчина. – Ты что-нибудь другое думай. С большей пользой для дела.

– Постараюсь.

По Михайловскому парку Кайндел гуляла недолго. Ей нечего было здесь смотреть, она только расставила метки, предназначенные для экспертов, которым предстояло разбираться с течением энергий в этом месте – чтобы им было ясно, откуда следует начинать изыскания, каким именно образом и где было произведено подключение, к какому сегменту системы. Больше она пока ничем не могла им помочь.

– По крайней мере, до тех пор, пока мы не узнаем, кто автор магической врезки… Уж не знаю, как ее еще назвать.

– Узнать, кто автор – полдела. Во время переговоров попробуй вызнать у техномагов, не они ли авторы.

– У техномагов, кстати, можно и прямо спросить.

– Тоже верно. Однако Один не настолько доверяет Александру, чтоб по любому поводу просто спрашивать его в лоб. Поэтому как следует подготовься к сопровождению Одина на переговорах. Главу ОСН может заинтересовать все что угодно, любые мелочи, поэтому во время их разговора обращай внимание на все. Потом придется писать подробный

отчет.

– Я всегда обращаю внимание на любые мелочи. По поводу чего будут переговоры?

– Договор о взаимовыгодном сотрудничестве и разделе сфер влияния, грубо говоря, – Роннан говорил не очень охотно, но кое-что по дороге в город она от него сумела узнать и успокоилась – на переговорах от нее не требовалось ничего особенного, просто присутствовать и слушать.

Уже через час девушка была в штаб-квартире ОСН, а еще спустя полчаса Вадим готовил ее к обратному переходу в Иаверн. Он улыбался, подмигивал старой знакомице и подбадривал намеками, что если так пойдет дальше, она привыкнет к переходам между мирами и даже начнет получать от этого удовольствие. Кайндел очень хотелось, чтобы он наконец замолчал, и дал ей внутренне собраться перед таким нелегким испытанием, как телепортация. Но в голову пришла мысль, что мастер-техник может и даже обязан что-то знать о системе магической врезки в источники, если она вообще существует в запасниках техномагов.

Поворачиваясь и позволяя прикрепить на себя датчики, она с деланно-равнодушным видом задала несколько вопросов, и прежде чем парень успел что-то почувствовать или заподозрить какой-то конкретный интерес с ее стороны, прервала беседу. Судя по всему, техномаги тут были совсем ни при чем. Эта мысль ей очень не понравилась – если не они, то кто же?

Впрочем, может быть, Вадим не знает об этом. Может, разработка секретна от рядовых техномагов и даже крупных, но не профильных специалистов.

Переход в Иаверн оказался еще труднее, чем оттуда. Горло перехватило, в глазах потемнело, желудок, словно выдавленный неведомой силой, подскочил к нёбу, и девушку вывернуло прямо на Офицера, который подхватил ее на руки и поддержал.

– Извини, – выдавила она, от растерянности переходя на «ты».

– Ничего, – со спокойствием, достойным воплощенного божества, ответил он, не делая ни одного движения, которое могло бы показать, как ему неприятно находиться в испачканной форменной куртке. – Ты как? Нормально? Врача позвать?

– Не надо… О-ох… Два перехода за сутки – это многовато.

– Иди к себе, – коротко и, на удивление мягко, распорядился он. Помог ей выпрямиться, убедился, что она стоит на ногах, и только тогда потянул с себя куртку. Он старался не морщиться. – Сегодня можешь не приходить на вечерние занятия.

– Я и так не приду, – пробормотала она, но едва слышно. И. о. куратора сделал вид, что не услышал.

В первый момент Кайндел была даже раздосадована, что

ей приходится тратить время на какой-то чужой суд, сидеть в зале и тупо пялиться, хотя она могла бы найти себе куда более приятное занятие. Но потом заинтересовалась.

Зал, куда ее и еще восьмерых курсантов привел Офицер, напоминал греческий театр. Только греческие театры обычно все-таки располагались под открытым небом, да и вид имели такой, будто их построила сама природа. Здесь же опоясывающие трибуны были сложены из камня и полукругом охватывали огромную – побольше тренировочной – залу. Одна из трибун, та, что прямо напротив входа, была повыше остальных, закрыта алым бархатным полотнищем и увешана шитыми золотом флагами. Там стояли три массивных, величественных кресла. Туда поднялся правитель, вместе с ним, видимо, ближайшие приближенные. На простых каменных ступенях расселись разодетые люди – появлялось такое ощущение, что речь идет не о суде, а о празднестве.

Потом ей показалось, что она поняла, в чем дело. Большинство местных обитателей все происходящее трогало так же мало, как и гостью, едва понимающую несколько фраз на местном языке. Суд тоже был зрелищем, и зрелищем довольно эффектным, к тому же по случаю суда можно было одеться покрасивее, продемонстрировать свой достаток, ну и людей посмотреть.

Зала была огромна, однако здесь скоро стало тесно. Люди рассаживались, сдержанно разговаривая между собой, и кто-то из советников правителя сделал знак рабам, чтобы

те открыли окна. Одетые в однообразные темно-серые длинные одеяния рабы-мужчины выполнили приказ, принесли кому-то воды, а кому-то еще бумаги и чернил – и исчезли, будто их и не было. Двери были плотно затворены, засов заложен в скобы замка.

Для наставника и курсантов ОСН было выделено прекрасное место, недалеко от почетной трибуны, от роскошных флагов и эмблем. Федеван, Саудхаван и Аданахаур рассаживались на каменной скамье с боязливым любопытством и восторгом на лицах, и девушка по их реакции догадалась, что союзникам-иномирянам оказана высокая честь. Судя по всему, недавние вольноотпущенники, в прошлом иаверн-ские рабы прежде и мечтать бы не могли о таких местах на высоком суде правителя области. Кайндел и Лети сели рядом с Федеваном, но она в первые же минуты поняла – толку от соседа будет немного. Он больше вертел головой, чем слушал, и неохотно отвечал на вопросы спутницы.

В зале находилось множество мужчин, одетых одинаково и очень строго, в черные мундиры с алым кантом. Девушка догадалась, что это охрана замка, и, видимо, они призваны как обеспечивать порядок в зале, так и создавать определенный настрой. Ну и для красоты, конечно. Выучка у ребят была прекрасная, они лицу не давали дрогнуть, и своей ролью явно гордились. Кайндел с интересом посмотрела на правителя – он был в одеянии, похожем на мундир, и потому в этот момент показался очень похожим на любого ее соотe-

чественника.

Иедаван выглядел очень хмурым и раздраженным, и это ее слегка удивило.

Обвиняемого она разглядела лишь после того, как по жесту одного из приближенных правителя его вывели на середину зала. Это оказался высокий молодой парень с измученным лицом и длинными спутанными волосами. Он выглядел так, словно не меньше недели валялся на соломе в каземате и совершенно не имел возможности приводить себя в порядок. Впрочем, должно быть, так оно и было. Молодой человек поводил по рядам присутствующих отрешенным взглядом, и, посмотрев ему в лицо, Кайндел невольно подумала, что он очень красив, даже странно…

Все, что в полный голос, официальным тоном произносилось приближенными правителя, которые, видимо, выступали здесь кем-то вроде секретарей, заседателей и обвинителей одновременно, звучало для нее, словно рокот океана или шум листвы – звук, в который не надо вслушиваться, потому что ничего содержательного из него не извлечь. Она с любопытством разглядывала мужчин, которые сидели на трех опоясывающих залу каменных ступенях-скамьях (почему-то женщин здесь, кроме нее и Лети, не было совсем), их одеяния, оружие при них, да и просто лица, пыталась угадать, кто из них чем занимается, но то и дело возвращалась взглядом к обвиняемому. Все-таки не так уж часто встречались в Иаверне мужчины, по-настоящему привлекательные, на ее

взгляд, взгляд иномирянки.

– В чем его обвиняют-то? – спросила она Федевана.

– В измене! – внушительно ответил тот. – Очень серьезное обвинение. Вот этот парень, которого сегодня судят – один из ближайших приближенных правителя. Так что тут не шутки.

– Его казнят? – протянула девушка, разглядывая узника.

– Естественно. Вопрос лишь в том, когда и как это сделают.

– Жа-алко…

– Он тебе понравился? – шепотом поинтересовалась Лети, наклонившись к самому уху Кайндел.

– Красивый мужчина… А тебе не нравится?

– Не очень. – Пушистая иномирянка слегка дернула пальцами рук – это означало сомнение или задумчивость. – У него черты очень резкие, живот втянутый, и кожа совсем голая…

– Во-первых, не втянутый, а просто плоский…

– Значит, он голодает! Или голодал!

– Не обязательно, Лети. У людей наличие выступающего живота говорит скорее не о зажиточности, а о лени. О нежелании за собой следить.

– Ну, не знаю. – Ее собеседница повела ушком и еще раз оглядела мужчину с ног до головы.

– Ладно, – фыркнула Кайндел. – Мы с тобой отвлеклись от сути дела.

Время тянулось медленно. Сперва о чем-то расспрашивали обвиняемого, который пытался отвечать твердо и как бы равнодушно, но голос вздрагивал, и бледность накатывала волнами. Потом расспрашивали кого-то еще, должно быть, свидетелей. Заинтересовавшись мужскими типажами в среде иавернцев, Кайндел очень внимательно разглядывала каждого из выходивших, между делом думая о том, насколько все они похожи на ее соотечественников. Все-таки обитатели Терры (как оэсэновцы назвали иавернцам свой родной мир, для простоты) и местные жители принадлежали, грубо говоря, к одному биологическому типу.

В отличие от обитателей Джаншуру и Сайяна.

Думала она, конечно, не только об этом, и, улавливая время от времени знакомые слова и фразы, спрашивала Федевана:

– О чем они говорят?

Тот отвечал, но его пояснения мало помогали ей, потому что сам Черный, судя по всему, ходом процесса был заинтересован мало. Он наслаждался занятым положением, наслаждался соседством могущественных и родовитых людей, и о чем-то увлеченно переговаривался с Саудхаваном и Аданахауром на иавернском языке. Речь же на суде, как поняла Кайндел, шла о каких-то документах и картах, которые обвиняемый кому-то передал, и еще о документах, которые обнаружили у него в покоях, однако то, что он их похитил, молодой человек отрицал, и объяснить, откуда они взялись, отка-

зался. Вслушиваясь в сбивчивую, деланно-спокойную речь, девушка внимательно разглядывала его лицо, которое видела в профиль. Профиль у парня был точеный – в самый раз на монеты или камеи.

В ответ на одну из реплик обвиняемого сидящий по правую руку от правителя старик что-то громко и раздраженно ответил и звучно стукнул посохом об пол. Легкий, будто жужжание пчелы, гул посторонних разговоров, царивший в зале, стих в тот же миг. Судя по всему, старик был не только воином, но и важным чиновником, поскольку его облекала роскошная алая мантия, седые волосы схватывала золотая полоса венца. Именно он задавал вопросы как подсудимому, так и свидетелям. Правитель по ходу процесса не произнес ни слова. Впрочем, он и на подсудимого-то избегал смотреть.

– Что сказал старик в красном? – едва слышно поинтересовалась курсантка у Федевана.

– Он говорит, что этот человек лжет, – пояснил Черный, кивая на обвиняемого, стоящего посреди залы под охраной четырех бойцов в черных мундирах с алыми кантами.

– Ну, ерунда, – протянула Кайндел, может, чуть громче, чем следовало. – За все время процесса парень не сказал ни слова лжи.

– Правда?

– Абсолютно точно. Голову даю на отсечение.

– Откуда ты знаешь? – удивился курсант-иавернец.

– Ну как «откуда»…

– Нет, я знаю про твои способности, – поспешил добавить он. – Но ведь ты не знаешь нашего родного языка. Как ты может определить…

– Мне не надо знать языка, чтоб определить, лжет человек или говорит правду. Достаточно просто знать человеческую природу. А иавернцы и терриане, сам знаешь, состоят из одинакового мяса и костей. И нервные системы наши очень сходны, – она улыбнулась и развела руками.

– Так, может, этот человек невиновен, – тихонько сказала Лети. – Наверное, надо сказать…

– А зачем? Если иавернцам зачем-то надо его казнить, пусть казнят. Это их внутренние дела. Зачем я буду вмешиваться?

И с сочувствием взглянула на обреченного.

Однако через мгновение почувствовала на себе внимательный взгляд. Обернулась – но сидевший ярусом выше длинноволосый молодой иавернец уже перевел взгляд с нее на Федевана и, наклонившись к нему, о чем-то спросил. Черный охотно ответил, потом дополнительно пояснил. Окатив Кайндел еще одним внимательным взглядом, местный житель торопливо поднялся и пропал между соотечественниками.

– А этот чего хотел? – спросила девушка.

– Попросил перевести то, что ты сказала. Я перевел. Потом спросил, кто ты.

Она кивнула и снова принялась от скуки рассматривать то трибуну, где сидел правитель и его приближенные, то прочих присутствующих. Старик в алой мантии и с посохом снова что-то громко и гортанно выкрикнул, и тишина стала еще более глубокой, казалось, даже мухи ненадолго замерли в воздухе, чтобы не мешать своим жужжанием. Обвиняемый побелел, когда, словно отвечая старику движением, правитель поднялся с кресла, медленно вынул из ножен меч, который ему поднес оруженосец. Это означало что-то очень важное, и, хотя курсантка не понимала, что происходит, она тоже напряглась и вытянула шею, наблюдая за Иедаваном.

Но через мгновение случилась заминка, которую, похоже, никто не ждал. Появившись на почетной трибуне, длинноволосый иавернец, прежде сидевший за спиной у Кайндел и Федевана, наклонился к уху одного из ближайших приближенных правителя. На его шепот отвлекся сам владетель области. Обернулся, опустил меч, прислушался, а потом сделал какой-то знак. Длинноволосого подтолкнули, он выпрямился, смущенный, и что-то негромко промямлил, а потом на короткий вопрос Иедавана ткнул пальцем в ту сторону, где сидели курсанты ОСН.

У Кайндел екнуло сердце.

Правитель повернул голову в ее сторону и что-то сказал. Длинноволосый слетел с почетной трибуны так бойко, словно его оттуда сдуло, и вдоль каменных сидений нижней ступени припустил в сторону оэсэновцев. Остановился перед

курсанткой, слегка поклонившись, произнес что-то. Потом покосился на Федевана.

– Милорд просит тебя подойти к нему, – поспешил перевести Черный. – И меня, в качестве переводчика.

– Да, конечно, – с рассеянной улыбкой согласилась девушка и поднялась с места.

Не слишком-то легко оказалось идти через весь зал под внимательными взглядами такого количества людей. Там, на почетной трибуне, Иедаван вложил меч обратно в ножны, вернул клинок оруженосцу. Кайндел заметила краем глаза, что в тот же миг в глазах обвиняемого появилась безумная, бешеная надежда. И тоска. Напускная сдержанность оставила его, и стало ясно, какая тягостная безнадежность владеет его душой. На иномирянку он посмотрел с таким вниманием, словно от каждого ее шага зависело, сколько еще мгновений он проживет на этом свете.

А может, так оно и было на самом деле?

Девушка поднялась по десяти ступеням, осторожно шагнула на яркий переливчатый бархат, застилающий пространство перед креслами, и коротко кивнула правителю, обозначив подобие поклона.

– Мои приветствия, – проговорила она.

Федеван, вставший за ее плечом, торопливо перевел.

Первое мгновение Иедаван лишь смотрел на нее, и это мгновение показалось девушке бесконечным. У правителя был очень тяжелый сильный взгляд, пронзительный и оце-

нивающий. Состязаться с ним взглядами было очень трудно.

Потом он что-то произнес, и стало легче.

– Милорд спрашивает, что именно ты сказала об обвиняемом, – неловко перевел Федеван, но что именно он хотел передать, девушка поняла.

– Я сказала, что этот человек, – взмах руки в сторону парня, стоящего посреди залы в окружении охраны, – в ходе процесса не произнес ни слова лжи.

Короткое молчание, потом снова реплика на чужом языке.

– Милорд спрашивает, знаешь ли ты местные языки.

Она слегка улыбнулась.

– Нет, не знаю.

– Милорд спрашивает, как же в таком случае ты сумела определить, что этот человек говорил правду? – добросовестно перевел Черный. Он был поглощен порученным ему делом и – мимоходом отметила она – явно гордился поручением владетеля области.

– Переведи милорду – мне не надо знать язык, чтоб определить, говорит ли человек правду. Мне достаточно видеть, как он говорит, как смотрит, как двигается, и таким образом я приблизительно понимаю, что он думает во время ответа. Объясни, что такова моя профессия – я работаю с информацией, систематизирую факты, делаю выводы, а также присутствую на переговорах, в числе прочего определяя степень искренности собеседников.

Прежде чем задать следующий вопрос, Иедаван окатил ее

еще одним пристальным взглядом, на этот раз не таким пронизывающим и куда более заинтересованным. Краем глаза Кайндел заметила движение в толпе присутствующих, обернулась и в числе прочего увидела, что обеспокоенный Офицер спешит к почетной трибуне. У лестницы путь ему заступил охранник, и, в знак того, что он готов подчиниться местным традициям и законам, оэсэновец примирительно поднял обе руки. На свою курсантку он смотрел с тревогой.

Заметив его, правитель сделал охране знак, Офицера немедленно пропустили на трибуну.

– Милорд спрашивает, уверена ли ты, что обвиняемый за все время разбирательства ни разу не солгал.

– Уверена, – девушка слегка улыбнулась. – Голову даю на отсечение.

– Я не буду этого переводить, – сказал Черный. – Ты ведь не понимаешь, насколько по нашим законам серьезно то, что ты сейчас сказала.

– Я вполне понимаю, где нахожусь, и отвечаю за каждое свое слово.

Он пожал плечами и принялся переводить. Приближенные Иедавана переглядывались между собой, один из них – рослый широкоплечий лохматый мужик на добрую голову выше правителя – кривил губы. Сам правитель выглядел невозмутимым, но она чувствовала – для него очень важно все, что она говорит. Поэтому, поколебавшись, все-таки добавила:

– Я, конечно, не говорю на вашем языке, но зачем мне это, к примеру, чтоб видеть – вы, милорд, не хотели верить, что этот человек виновен, но перед лицом доказательств и свидетельств уступили. А сейчас пытаетесь понять, зачем я все это придумала, и есть ли у меня свой интерес. Вы правы – своего интереса в этом деле у меня нет и быть не может.

Черный перевел. Иедаван вздрогнул.

– Милорд спрашивает, а не лгал ли кто-нибудь в ходе разбирательства?

– Ну как же, – спокойно отреагировала девушка. – Трое из говоривших. Вот тот мужчина в черном камзоле с искрящимися пуговицами, – она повернулась и показала рукой в ту сторону, где сидели выступавшие на процессе свидетели. – Он был очень нервозен. Потом, вот тот, в желто-сером одеянии, с короткой бородкой и белым поясом. И вот тот, в синем плаще, в черных сапогах с белой отделкой. Эти двое, давая показания, искренне верили, что их ложь – во благо.

– Я подтверждаю, – вдруг вмешался Офицер. – Кайндел занимает в Организации Спецназначения именно то положение, о котором упомянула, и оказывает нам помощь того плана, как было сказано.

Когда Федеван закончил переводить, в зале воцарилась полнейшая, гнетущая, угрожающая тишина. Люди сидели неподвижно, кто-то смотрел на Кайндел, кто-то – на соотечественников, которых назвала девушка, и молчание их звучало, словно предостережение – думай, что говоришь, чужач-

ка. Только охрана да свидетели, на которых указала Кайндел, оставались невозмутимыми, они ничего не демонстрировали, и их равнодушие до какой-то степени структурировало и умиряло взбаламученное пространство безмолвно выражаемых человеческих эмоций. Маску невозмутимости уронил даже сам правитель. Он поднялся с кресла и сделал резкий знак оруженосцу, который поспешил унести меч. Следующий жест был сделан в сторону бойцов, окружающих обвиняемого, они подхватили парня под локти и потащили из зала, да так быстро, что девушка едва успела перевести дух.

Иедаван что-то сказал, глядя на курсантку, и Федеван поспешил объяснить, что правитель благодарен ей за ответы и отпускает ее. Следующую фразу правителя, сказанную в полный голос, он тоже перевел – судебный процесс был прерван «до выяснения дополнительных обстоятельств дела». Офицер схватил девушку за плечо и потянул за собой. Звук быстрых шагов по каменному полу в тяжелой тишине казался вызывающим и дерзким. Последнее, что она увидела, обернувшись в дверях залы, были глаза одного из лжесвидетельствовавших иавернцев.

– Ну, наделала ты дел, – буркнул Офицер. – Пойду разруливать возникшую проблему, а ты сиди, будь добра, в своей комнате и никуда не выходи.

– Офицер, послушай…

– Потом, потом! Кстати, как ты угадала, о чем он думал?

– Я никогда не гадаю, я ж не гадалка. Правда, в подобной

ситуации число вариантов того, что человек может думать, невелико, и очень сильно отличается друг от друга сопровождающим выражением лица.

– Молодец, – одобрил оэсэновец. – С тебя будет толк… Лети, следи, чтоб она никуда не выходила из комнаты. – И, втолкнув обеих девушек в их комнатку, прикрыл за собой дверь.

– Блин… – Кайндел вздохнула и прижалась лбом к стене.

– Ты просто чудо! – улыбнулась Лети. – На тебя так внимательно все смотрели… Почему ты огорчена?

– Есть причина. В частности, потому, что меня скоро придут убивать. Причем очень скоро.

Глаза у пушистой девушки округлились. У нее была совсем иная мимика, чем у людей, но Кайндел уже привыкла и понимала ее почти так же хорошо, как и мимику своих соотечественников. Удивление выражала каждая черта ее тела и лица, и даже пушок на ушках встал дыбом.

Уроженка мира под названием Сайян – удивительного мира, где обитали котолюди (так их для простоты классифицировали оэсэновцы) – когда показалась в Организации, была трогательно-боязливой девчонкой, которая притом была, на удивление, наивна и доверчива, и льнула к Кайндел, словно ребенок к матери. Теперь она освоилась, стала повеселее и порешительнее, но все равно предпочитала держаться подруги и по любой мелочи (если она, конечно, не касалась работы или учебы) старалась советоваться. Она еще слишком

плохо понимала жизнь в чужом ей мире.

– Кто придет убивать тебя? И почему?

– Те люди, на которых я указала, как лжесвидетелей. Я заметила взгляд одного из них… Судя по всему, дело, в которое я ввязалась, очень серьезно. И тем, кого я только что разоблачила, нужно любой ценой избавиться от меня. Причем, как я понимаю, в ближайшие часы. Потому как можно предполагать, что очень скоро лорд захочет побеседовать со мной на тему случившегося. Значит, пришлет за мной своих людей. А значит, если и убивать меня, то прямо сейчас. И делать это так, чтоб не возникло сомнений.

– Так ты уверена, что они считают тебя опасной?

– Не была б уверена – не говорила б. Все это было в глазах того человека…

Лети молчала несколько мгновений.

– Что же делать? – растерянно спросила она.

– Что-то предпринимать, причем спешно. У меня есть один-единственный козырь – я приблизительно знаю, что они собираются предпринять, а они о моей осведомленности не подозревают. – Кайндел отступила от стены и остановилась посреди комнаты, оглядываясь. – Давай рассуждать логически – как меня могут попытаться убить? Разумеется, только магией. Оружием будет слишком неосторожно. Слишком очевидно.

– Тебе нужно срочно рассказать все Офицеру! – воскликнула Лети.

– Во-первых, я его сейчас не найду. Он отправился общаться с правителем, и неизвестно, где будет искать его, а потом ожидать, чтоб поговорить. К тому же есть еще один фактор, который не следует сбрасывать со счета…

– Тогда надо правителю сообщить, что собираются сделать его люди!

– Я не настолько хорошо знаю замок, чтоб сразу и без труда отыскать его покои или кабинет. Вполне вероятно, что меня перехватят по пути. Их много – я одна, действовать надо наверняка. Так что надо не к правителю идти, а сделать так, чтоб он сам пришел ко мне.

– И ты знаешь, как это сделать?

– Думаю, что да. – Кайндел пришла в голову мысль, и девушка кинулась к своему чемодану, где, как и все гости Иаверна, держала свои вещи – покои были обставлены местной мебелью, не слишком-то удобной для непривычных к ней людей. Принялась торопливо вытаскивать оттуда вещи. – Мне нужна твоя помощь.

– Сделаю все, что смогу, – заверила Лети. – Но, мне кажется, тебе не стоит слишком волноваться. Замок заблокирован от мощных заклинаний, применить здесь можно будет только самые простые чары. Так что убить тебя им будет непросто. Сейчас я позову наших, и мы сможем отстоять тебя.

– Ты путаешь теплое с мягким, зайка. Магический блок не позволяет применять в замке энергоемкие заклинания, так что чары, которыми меня собираются прибить, могут быть

очень даже сложными, просто не требовать для своего осуществления большого объема энергии. Причем заклинаний может быть много. На всю нашу курсантскую группу хватит с избытком. И если дело действительно настолько серьезно, как мне представляется, положат и вас всех. Я этого не хочу.

– Но что же делать? – растерялась пушистая иномирянка.

– Я тебе все объясню… – Курсантка рылась в вещах. – Ёлки, куда ж я его засунула… Мне, весьма вероятно, понадобится помощь. У наших однокурсников будет куда больше шансов уцелеть, если они, как и я, перехватят инициативу в свои руки. И, к примеру, нападут сами, вместо того чтобы обороняться.

У Лети светлые бровки, почти неразличимые в гущине короткого легкого пушка, покрывавшего личико, сошлись к переносице. Она посмотрела на подругу, словно на сложнейшую головоломку, которая никак не поддается решению.

– Но если наши нападут на местных, то это будет… Это же будет похоже на неоправданную агрессию с нашей стороны. Вот уж когда нас наверняка истребят всех, и без разговоров, хотя бы ради собственной безопасности.

– Ты меня не поняла. – Девушка вытащила из-под стопки белья белое тонкое льняное платье и развернула, разглядывая придирчиво и недовольно. – Как думаешь, оно мне еще нормально подойдет?.. Ты права, конечно, но все зависит от того, когда и как именно нападать. Я тебе объясню. И надеюсь, что ты сделаешь все точно так, как я тебе скажу, в той

самой последовательности.

– Конечно, – покладисто ответила Лети, присев на кровать. – Я запоминаю. Только объясни мне – почему именно сейчас ты так заинтересовалась платьем?

– Да вот, думаю, в нем мне будет сподручнее. – Скидывая форменную одежду, она торопилась и потому не сразу совладала с переплетающимися бретельками. – Ёлки, я уже почти отвыкла… Вынь, пожалуйста, мои туфли… Спасибо… Есть у меня одна идея. И не такая уж безнадежная, как мне кажется…

– Так что ты собираешься предпринять?

– Я собираюсь поставить на уши замок. Видишь ли, помочь мне в этой ситуации может только правитель. Значит, надо сделать так, чтоб он пришел ко мне сам. Привлечь его внимание.

– А как?

– Элементарно. Затеяв где-нибудь здесь поблизости мощное чародейство.

– Но ведь на замке…

– Да, лежит блок. Именно поэтому любая мощная магия привлечет внимание. И тогда убить меня никто не сможет, поскольку им нужно сделать это скрытно, а не на глазах у всей замковой охраны.

– Но ведь никто не снимет для тебя замкового блока! Ты же просто не сможешь…

– Я смогу. Есть у меня в запасе одна хитрость… Так вот,

привлекая к себе внимание, нужно будет продержаться до того момента, когда до меня вышеупомянутая охрана добежит. На этот счет у меня есть еще одна хитрость. А чтоб повысить мои шансы, мне поможете вы, в смысле мои однокурсники. Напавшие с тыла. Сама понимаешь, нападение с тыла на тех, кто в свою очередь напал на одну из нас…

– Я все поняла, – растерянно заверила пушистая малышка. – Кроме одного – при чем тут платье?

– Мои магические возможности сильно зависят от самоощущения. Хочу максимально его улучшить. К тому же есть еще одна идейка, для ее осуществления нужна соответствующая одежда.

– Понятно… Только как же я узнаю, когда пора будет вести ребят тебе на помощь?

– Прикинь сама. Пока ты их соберешь, пока все обсудишь… А там уж вы сориентируетесь по ситуации. Объяснишь все Роману и Илье, они все сделают сами. Ладно?

– Конечно.

– Ну, пожелай мне удачи… – И Кайндел направилась к двери.

– Постой! – Лети выпрямилась, вытянула руку. – А как же оружие?

– Никакого оружия, зайка. Те, кто нападет на меня, должны быть уверены, что я не ожидаю подвоха и совершенно беззащитна.

– Но как же… без оружия-то…

– Если я сумею победить, то не мечом и даже не автоматом. Так что они мне по большому-то счету вообще не нужны.

Курсантка спрятала под одежду артефакт, который так упорно искала в чемодане, и выскочила из комнаты.

Когда она переступила порог, под ложечкой сжалось с такой силой, будто кто-то чувствительно пнул ее под ребра. Это был как шаг с края моста в бездну, как прыжок под приближающийся поезд – обратно дороги нет. Еще мелькнула мысль вернуться назад, закрыться или забаррикадироваться и попытаться отсидеться… Однако разумом она понимала, что это не способ, и дверь взломать будет элементарно. Стиснутой замкнутым пространством, ей куда труднее будет сопротивляться, а осуществить свой план и вовсе невозможно.

А значит, надо идти, пусть даже это игра со смертью, неверная, как прогулка по канату над пустотой. Кайндел, как любой нормальный человек, предпочитала спокойную, ничем не взбаламученную жизнь. А если уж приходилось вступать в поединок с людьми или обстоятельствами, куда проще было, если решения за нее принимал кто-то другой. Это всегда проще, и в минуты напряжения, в мгновения, от которых зависит слишком много, мало кто способен не пожалеть о собственной независимости, о привычке все решать самостоятельно.

Девушка едва могла удержаться от того, чтобы идти спокойно, а не припустить со всех ног по длинному коридору,

стены которого были отделаны пористым теплым камнем. Каждую минуту она ожидала шума шагов за спиной и удара заклинания, но заставляла себя двигаться так, словно угрозы и вовсе не существовало. И когда открыла дверь, ведущую в зимний сад, почувствовала такое облегчение, будто уже выиграла поединок.

Хотя все еще было впереди.

Этот зимний сад предназначался для гостей и тех обитателей замка, что попроще, – правитель и его семья, а также приближенные пользовались другим, большим и оформленным наподобие альпийских горок – Кайндел была там однажды. Этот выглядел попроще, да и размерами сильно уступал. Просто в большую угловую залу с высоким, наполовину стеклянным потолком принесли побольше земли, посадили цветы, а для невысоких скромных деревьев стояли крепкие деревянные кадки. Через стену от зимнего сада, ярусом выше, располагалась большая общая мыльня, откуда использованную воду отводили в стоки через трубы, проложенные в стене. Эта стена всегда была теплой и грела сад даже в самые морозные дни и ночи, когда с этой задачей не справлялись две большие печи.

Девушка, хрустя гравием, которым были усыпаны проходы между клумбами, пересекла садик. Это не заняло много времени. В центре располагалась овальная площадка, окруженная кустиками цветов, напоминающих розы, от нее в стороны разбегались узкие дорожки. Одна – та, что вела к две-

ри – была пошире. Осмотревшись, курсантка притопнула ногой, словно отметила для себя самое удобное для занятий магией место. Потом подошла к одному из восьми больших окон и попыталась открыть его. Найти, как открывается окошко для вентиляции, не стоило труда, но Кайндел-то было нужно большее.

Отыскав шпингалет, она сумела совладать с ним, хоть и не сразу, и аккуратно развела створки. В лицо ударил ледяной ветер, пахнущий снегом. Ее осыпало мелкой снежной пылью, пробрало до костей, но это было не страшно. С тех пор, как девушка прошла физиологическое преобразование, ни холод, ни жара больше не способны были причинить ей настоящий вред. В гораздо большей степени, чем раньше, она превратилась в дитя окружающего мира, и как-то само собой выяснилось, что договориться с природой, в том числе и собственной, довольно просто. Надо всего лишь изменить взгляд на то, что докучает телу.

Она распахнула еще три окна в разных углах зала (мысленно успокаивая растения, что им ничего не грозит) и вернулась на площадку, туда, где при необходимости смогла бы развернуться со своей весьма специфической магией. Именно на нее Кайндел рассчитывала, помня о магическом блоке, запрещающем в замке любую мощную магию (что вполне разумно, ведь любые энергоемкие чары способны разрушить строение изнутри, особенно если не справиться с ними). Иавернцы, разумеется, защищали свой замок от человеческой

магии. Ту магию, которой пользовалась она, в расчет вряд ли принимали.

Так что эта возможность у курсантки оставалась. Для этого она и открыла окна – ей нужен был приток стихиальной энергии, которую можно черпать в том числе и у ветра.

Но куда больше она рассчитывала на артефакт, прихваченный с собой. Эта вещица была получена от Вячеслава, мастера, трудившегося на техномагов. Теперь, когда в распоряжении Кайндел оказался магический источник, к которому она могла допускать не только оэсэновцев, но и кого-то еще, хорошие отношения с ней стали для многих ее знакомцев заманчивой целью. Вячеслав сам связался с девушкой и преподнес ей этот ценный подарок, видимо в расчете на ее помощь в будущем. Она охотно приняла, поскольку не видела тому никаких препятствий. Техномага вполне можно будет допустить к энергии, если у того возникнет в ней острая нужда.

Изначально артефакт таил в себе сложнейшую магическую систему. Получив вещицу в подарок и умудрившись с ней разобраться (Кайндел, как хороший пользователь компьютера, смогла понять, что в этой структуре к чему, но даже просто повторить схемку не сумела бы ни за что), девушка дополнила ее изрядным объемом энергии. И теперь рассчитывала на этот подарок.

В зимнем саду царила тишина, никто не трогал створки двери, и, нервничая, курсантка провела пальцами по поясу,

по карманам (мало ли, вдруг там окажется что-нибудь полезное в схватке), и в задумчивости вынула узкую, плотно заткнутую пробирку, на дне которой находился снежно-белый порошок. Рассеянно поболтала им в воздухе. Соблазн был огромен – узнать все и сразу, причем в подробностях. Но здравый смысл, как всегда, оказался сильнее – в момент видения она будет беспомощна. Да и рановато принимать новую порцию, это малополезно даже для нечеловеческой расы.

«К тому же пора бы привыкать действовать без этой подпорки, – подумала Кайндел. – Иначе скоро без порции наркотика я вообще ничего не смогу».

И торопливо спрятала пробирку в карман. А потом сняла с шеи артефакт и намотала кожаную тесемочку на руку. Контакт с артефактом уже был установлен. Поэтому, когда чья-то решительная рука толкнула одну из створок двери, ведущей в зимний сад, девушке понадобилась доля мгновения, чтобы привести заготовленное заклинание в действие.

И когда первый из иавернцев ступил на порог зимнего сада, рядом с курсанткой ОСН стоял облаченный в свою давешнюю парадную мантию сам правитель области, лорд Иедаван.

Это стало такой огромной неожиданностью для тех, кто пришел просто и без затей расправиться с чужачкой, сунувшейся не в свое дело, что аромат чужого беспокойства девушка уловила даже на таком расстоянии. Она отлично по-

нимала, что даже самая лучшая иллюзия недолго сможет обманывать людей, намного лучше ее знающих, как должен вести себя иавернский мужчина, как именно ведет себя правитель. Но не на эту искусно изваянную эфирную фигуру она рассчитывала. Образ местного властителя должен был лишь подарить ей пару бесценных мгновений.

Она неспешно развернулась лицом к бойцам и развела ладони. Чтобы пустить в ход свою магию, да еще достаточно мощную, чтобы справиться сразу со всеми противниками, да еще чтобы не сравнять с землей часть замка, ей нужно было время. Поэтому, поколебавшись, она снова воспользовалась артефактом.

Подобные магические вещицы, содержащие в себе схемы самых высококачественных иллюзий, здесь в Иаверне вряд ли встречались на каждом шагу. Пообщавшись немного с мастером-иллюзорником, Кайндел поневоле прониклась уважением к его искусству. Хотя бы по тому, что в Петербурге она не знала ни одного другого чародея, занимающегося иллюзиями, можно было судить, насколько это редкий и ценный дар. Он смыкался с псионикой, эмпатией и умением внушать (по идее, вроде бы довольно-таки нехитрым умением), однако представлял собой явление на несколько порядков более сложное и могущественное.

Говоря проще, настоящий чародей-иллюзорник мог создать видимость явления, настолько подлинного на первый, а также и второй взгляд, что его нереальность практически

невозможно было почувствовать. Если под ногами у человека разверзалась иллюзорная пропасть, он, уверенный, что падает в темноту, вполне реально мог умереть от разрыва сердца. А получив по голове иллюзорной дубиной, отдать Богу душу по причине самой настоящей черепно-мозговой травмы, потому что могущество человеческого мозга, вершащего судьбу своего хозяина, поистине необозримо.

Девушка раскинула руки в стороны, и в лицо иавернцам ударил горячий, пряный, пыльный ветер. Клумбы, деревца и стены замка метнулись прочь, и под ногами развернулась, будто ковер из валика, буро-мышастая пустыня с барханами и извилистыми полосами, нарисованными ветром. Над головой вознеслось белое, словно накаленное в горне железо, горячее небо. Солнце стояло в зените, но его никто не видел, потому что даже просто поднять глаза от песка было мучительно для глаз.

Бойцы оглядывались в замешательстве, и кто-то из них пустил в ход магию, атаковал Кайндел заклинанием с неясным действием, вслед за первым и остальные принялись бомбардировать ее магией. Но девушка вполне предусмотрительно изобразила себя не там, где стояла на самом деле. Она чувствовала, что возможности артефакта практически исчерпаны, но лишь с большим трудом сумела заставить себя сосредоточиться. Причиной некоторой растерянности стало то, что она, в отличие от иавернцев, видела одновременно и пустыню, и зимний сад, где один за другим вяли или истле-

вали цветы под действием заклинаний, которые должны были достаться на ее долю. Это сильно сбивало с толку.

Пустыня ухнула вниз, подобно лавине, наконец-то пришедшей в движение, и мало кто из иавернцев сумел удержаться на ногах. Следом за песком хлынула вода, соленая и холодная, но ее поток иссяк даже быстрее, чем образ пустыни. Вокруг к небу, сверкнувшему лишь на миг, вознеслись и сомкнули кроны могучие пятисотлетние деревья. Меж окутанных мхом стволов сгустился полумрак.

Зато одеяние Кайндел будто лунным светом окатило – складки заиграли неземным сиянием, ясный ореол, будто тиарой, увенчал короткие локоны, кисти рук истончились, весь облик наполнился нездешней прелестью… Конечно, всего этого девушка видеть не могла, но именно такой смысл вложила в иллюзию, на которую истратила остатки запасенной в артефакте магии. Именно для того она и надела свое единственное платье, чтобы теперь проще было придать себе облик богини или феи из сказок. Конечно, одеяние выглядело не слишком изысканно, потому что на момент пошива единственной доступной курсантке тканью был простенький лен, и это очень сильно огорчало девушку. Но это все же лучше, чем ничего.

Главным теперь было создать у иавернцев ощущение их полнейшего бессилия перед ней, внушить им уверенность в ее всевластии. Она не хотела убивать ни одного из них, и вовсе не потому, что была так уж добросердечна. Она на-

ходилась в чужой стране, рассчитывала на понимание и заступничество, так что следовало вести себя очень осторожно. Просто отбитое нападение увеличивало ее шансы быть выслушанной намного больше, чем груда трупов, даже притом, что местные напали первыми.

Похоже, все то, что иавернцы увидели до того, уже само по себе вызвало у них некоторую неуверенность. В тот момент, когда Кайндел придала себе облик, который показался ей самым удачным в этой ситуации, только один из бойцов прямо взглянул ей в лицо. Он смотрел бесстрастно, казался таким же невозмутимым, каким был и сам Иедаван, однако в его глазах девушка прочла не понимание того, что все вокруг обман, и не равнодушие к ее фокусам, а вопрос. Мужчина явно не понимал, кто она и на что в действительности способна, и потому медлил – то ли не решался ударить, то ли пытался понять, куда и как лучше бить.

Она снисходительно улыбнулась ему и почувствовала ответное движение его души. Контакт устанавливался. Если б можно было продлить действие иллюзорной системы, возможно, удалось бы добиться и чего-то более значимого, нежели промедление со стороны нападающих. Но, хотя энергии хватало, артефакт иссяк и опустел, и реликтовый лес испарился, будто туман, пригретый солнцем, развеянный ветром. Кайндел вновь окружил зимний сад, изрядно потрепанный иавернской магией, стены замка со следами чар и десятеро из четырнадцати нападающих. Остальные четверо в

разных позах лежали на полу.

Курсантка мгновенно окружила себя мощной защитой и швырнула в мужчин сильнейший порыв ветра. Единственный из них, устоявший на ногах, рефлекторно защитился, и тоже магией, остальные в большинстве лишь попадали на пол, либо присели, закрывая руками лица. Деревца, растущие в кадках, еще раньше опрокинуло на пол, цветы и траву вырвало, и даже часть почвы смахнуло к стене, противоположной входу – под действием заклятий, которые должны были убить Кайндел. Так что теперь ей нечего было церемониться с интерьером. Ее противник успел ответить, и сильно, вот только его заклинание попросту увязло в ее защите. Девушка приготовила еще одну аналогичную атаку, но не решилась пустить ее в ход, потому что в коридоре за распахнутыми дверями появились другие иавернцы, разодетые так ярко, что не заподозрить в них представителей власти местного правителя было трудно.

Один из них, тот, который шел немного впереди, поднял руку, и зимний сад, а также все прилегающие помещения накрыла тишина, в которой не осталось места магии. На пару мгновений Кайндел стало нехорошо, но она сумела справиться с собой. Сказать по правде, она единственная из присутствующих смогла бы пересилить действие антимагии, правда, не сразу и не так уж легко. Только зачем? Ее вполне устраивало то, что теперь даже самый рьяный нападающий ничего не сделает ей с помощью чар.

– Что здесь происходит? – зычно произнес тот из новоприбывших иавернцев, который опустил на зимний сад антимагическую блокаду. Произнес на родном языке Кайндел, глядя ей в глаза, потом отвернулся и немедленно повторил фразу на иавернском. Но она-то услышала и поняла вопрос раньше остальных и поспешила этим воспользоваться.

– Эти господа напали на меня, – сказала девушка, вынуждая представителя Иедавана прислушиваться к тому, что говорит она (потому как нелегко понимать чужой тебе язык, это требует двойной концентрации), а не ее оппонент. – А почему – спросите у них сами. Я не знаю этого.

Она понимала, что таким образом изначально ставит своего недавнего противника в положение, когда ему придется объясняться и оправдываться. А ей – обвинять. Правда, тот и не пытался что-то сказать, лишь сделал движение, словно хотел взять посланца правителя за локоть, но не взял.

Дальнейшее курсантку уже мало волновало, тем более что как-то иначе помочь самой себе она больше не могла, потому что для спора и препирательств нужно было знать язык. Она присела на одну из перевернутых кадок и прикрыла глаза. Усталость на какой-то момент показалась ей просто запредельной, такое бывает после магии, которой чародей отдал себя целиком. Она догадывалась, что слабость скоро пройдет. Организм быстро восстановит потерю, и все придет в норму. Но пока больше всего на свете ей хотелось прилечь хоть на пол, хоть на камни и немного подремать.

За спинами иавернцев она заметила Илью и Романа, а дальше – спешащего к дверям в зимний сад Офицера, встревоженного не на шутку, и с облегчением закрыла глаза. И уже через секунду ее кто-то ловил, что-то спрашивал на местном языке (в сказанной фразе она поняла только одну частицу), аккуратно укладывал на пол. А через полминуты над ней склонился Офицер.

– Ты ранена?

– Нет, я, кажется, перестаралась… Это мое! – сказала она иавернцу, подобравшему с пола иссякший артефакт. – Мое.

Рядом появился Саудхаван, словно знал, что сейчас понадобятся его услуги переводчика. Кайндел, у которой все еще летали перед глазами темные круги, не успела заметить знак, который Офицер подал ее однокурснику, и поэтому отметила его появление рядом как банальное совпадение. Сауд, по причине своей смуглости прозванный курсантами Арабом, переводил плохо, потому что до сих пор, отлично понимая русский, едва-едва владел им, зачастую путался в устоявшихся выражениях, терялся, что как перевести. Но все-таки даже такой дурной перевод лучше, чем никакого.

– Что это такое? – перевел Саудхаван, сам с любопытством разглядывающий артефакт в руках иавернского бойца.

– Это мое, – повторила курсантка. – Магическая вещица.

– Он спрашивает, знаешь ли ты, что в замке не следует употреблять масштабную магию. Я скажу, что, конечно, знаешь, да?

– Нет, конечно, – огрызнулась Кайндел. – Скажи – я полагала, в замке, коль скоро здесь имеется магическая блокировка, можно все, что позволит сотворить блок.

Сауд, приподняв бровь, однако послушно перевел.

Иавернец тоже молчал несколько мгновений, видимо осмысливая услышанное. Потом произнес короткую фразу.

– Он говорит, что в замке все равно нельзя применять магию, которая может разрушить его.

– А мне показалось, замок как стоял, так и стоит!

Воин правителя еще немного помолчал, а потом повел рукой, указывая на творящийся в зимнем саду разгром.

– Можешь не переводить, я и так поняла, – сказала девушка Саудхавану. – Объясни ему, что весь этот разгром учинила отнюдь не я и не мои иллюзорные заклинания, а его соотечественники, пытавшиеся меня убить.

– Что ты имеешь в виду под иллюзорными заклинаниями? – уточнил курсант ОСН.

– А ты не знаешь?

– Я не знаю, как это перевести, чтоб было точнее.

– Ладно, объясни, что чары, которыми я пользовалась, не могли бы сдвинуть с места даже пылинку, потому что создавали лишь видимость действия, самого же действия не было.

Иавернец не сразу осознал, что именно ему пытаются растолковать, из чего Кайндел сделала вывод, что в этом мире иллюзорная магия не в ходу. «А мне повезло, – подумала она. – Видимо, ребята просто не поняли, с чем столкну-

лись…» Ей стало намного лучше, и даже то, что слуги, проникшие таки в разоренный сад, принялись закрывать окна, не огорчило. Опираясь на руку Офицера, она поднялась с пола.

– Что тут стряслось? – спросил он ее сквозь зубы.

– На меня напали.

– А что ты делала здесь, в садике, когда я велел тебе оставаться в комнате?

– Здесь у меня было больше шансов выжить.

Он повернул ее к себе лицом.

– Так где на тебя напали – возле твоей комнаты или здесь?

Взгляд у Офицера был жесткий, «препарирующий». Человеку, плохо его знающему, могло показаться, что он в ярости, но отлично контролирует себя. На самом же деле он сосредоточился, пытаясь понять, что в действительности произошло и почему, и, кроме того, изрядно переволновался за нее. Каждого своего курсанта он воспринимал едва ли не как доверенного на его попечение ребенка, и его эмоции были вполне объяснимы.

– Здесь.

– Почему же ты пошла сюда?

– Отпусти. – Она решительно отвела его руки, чересчур сильно сжавшиеся на ее плечах. – Я тебе объясняю – потому что здесь у меня было больше шансов выжить.

– С чего ты взяла, что на тебя нападут, и именно здесь?

– Это было логично.

– Ладно, потом поговорим.

– Правитель просит тебя подняться к нему, побеседовать, – проговорил иавернец, одетый ярче других – тот самый, который опустил антимагию на зимний сад.

Девушка взглянула ему в глаза. Лицо у мужчины было совершенно непроницаемое, но в глубине взгляда – интерес. Ничего определенного по поводу его отношения ко всему случившемуся и к ней лично Кайндел не могла сказать, однако ей показалось, будто он скорее склонен ей поверить. И это уже хорошо.

Ее окружили воины правителя в одинаковых мундирах, при мечах, с непроницаемыми лицами, но курсантка чувствовала себя совершенно спокойно. С достоинством сделала знак, мол, подождите, привела себя в порядок и, закутавшись в плащ, который ей протянула Лети, даже под шерсткой видно, насколько бледная, пошла туда, куда ее повели.

В этой части замка ей прежде не доводилось бывать. Даже слуги, работавшие здесь, не смешивались с общей массой – у них были свои жилые комнаты, своя столовая, мыльня, прогулочный дворик – поэтому прочие работники редко имели возможность о чем-то их расспросить. В покоях, расположенных здесь, обитали приближенные к правителю люди, сам он, а также верхушка военного командования. Кто еще жил там, и по какому принципу отбирались люди, допущенные в эту часть замка, Кайндел не знала и не могла знать.

Здесь оказалось не роскошнее и не уютнее, чем в отведен-

ных курсантам покоях, может, коридоры лишь чуть шире, светильники чуть изящнее, ковры чуть пышнее. Слуги, попадавшиеся то тут, то там, двигались беззвучно, будто тени, и двери всех комнат были плотно затворены – вот и все отличие. Сперва Кайндел сопровождали четверо бойцов, потом остались только двое, и они остановились перед входом в башню. В сопровождении офицера, отправленного за нею, девушка поднялась на два этажа по широкой винтовой лестнице, и здесь сопровождающий безмолвно указал ей на дверь.

Она постучалась. Подождала. Постучала еще раз.

Правитель сам открыл ей дверь и посмотрел на нее вопросительно. Отшагнул с прохода, сделал жест рукой.

– Как я поняла, у вас не принято стучаться, перед тем как войти, – предположила девушка, делая шаг в комнату.

Это была комната, устланная шкурами животных. Даже стены были отделаны шкурами, словно коврами, и потолок затянут ими же. Четыре полукруглых окна смотрели на заснеженные просторы перед замком, лес и поселение в двух километрах от стен. В камине, прикрытом вырезанным из дерева экраном, уютно потрескивало. Из мебели здесь имелся массивный стол, деревянное кресло, несколько изящных книжных этажерок, буквально ломившихся от свитков, папок, стопок листов бумаги и, естественно, книг, а также нечто напоминающее узкую софу. Именно туда она присела по жесту хозяина этого кабинета.

– У нас это не принято, – согласился Иедаван. Он говорил медленно и осторожно, будто пробирался по усыпанной колючками пустыне, выискивая путь босыми ногами. – Ты хочешь есть?

– Не откажусь.

Он поднял со стола бронзовый фигурный жезл и постучал им по тонкой коричневой трубе, на которую Кайндел сперва даже не обратила внимания. Та отозвалась неожиданно гулким звуком. Должно быть, нижний конец трубы спускался в комнату слуг, и поднимал их на уши не хуже, чем колокольчик, использовавшийся на Земле в богатых домах в девятнадцатом веке. То ли через трубу правитель передавал свои приказы способом, напоминающим азбуку Морзе, то ли его обслуга уже знала, в каких случаях, когда и зачем их вызывают, но появившийся в двери слуга нес поднос, уставленный мисочками и тарелочками, второй тащил местный кувшинообразный чайник, а третий приволок легкий столик. В мгновение ока его сервировали перед софой, после чего курсантка и правитель снова остались в комнате одни.

– Благодарю вас, – она произносила слова медленно и разборчиво, понимая, что собеседнику нелегко.

– Я не совсем хорошо понимаю твой язык. Удобнее было бы позвать переводчика, но я хочу побеседовать напрямую, без лишних ушей, – сказал Иедаван.

– Однако вы прекрасно говорите, – похвалила девушка.

– Я намного лучше понимаю. И, между прочим, мне будет

куда проще, если ты станешь говорить мне «ты».

– Постараюсь.

Правитель уселся в свое кресло и несколько мгновений молча, испытующе смотрел на Кайндел. Она же, нисколько не смущаясь, придвинула к себе ближайшую мисочку и принялась ее опустошать. Блюда в большинстве своем были приготовлены в расчете на вкус ее соотечественников. Повара уже более или менее освоились с ними, и, хотя Кайндел не стала бы отказываться от мяса, приготовленного по местным традициям – практически без соли, зато с пряностями и чесноком – с удовольствием съела и то, что дали. К тому же местные ели похлебку из орехов и любили тушеную с простоквашей траву, которую выходцы с Терры предпочитали сырой, в салате. Повара удивлялись чужим привычкам, но скрепя сердце делали так, как их просили.

– Ты ведь знала, что на тебя совершат нападение, – сказал правитель, отпивая из кружки что-то горячее. Кайндел кивнула, продолжая жевать. – Я тоже это понял. Правда, думал, им понадобится больше времени на подготовку.

– А они поняли, что вы догадаетесь о такой возможности. И, скорее всего, примете меры. Поэтому поспешили вас опередить.

Иедаван усмехнулся. У него это получилось не по-доброму, но девушка уже научилась различать, когда иавернцы злятся.

– Это ты тоже увидела в глазах этих людей, в их жестах

и лицах?

– Частично. А частично – банальная логика. Впрочем, тоже привязанная к увиденному, – поправилась она, понимая, что ей так или иначе надо убедить собеседника, что она не просто удачливая дурочка, что дело здесь скорее в навыках и знаниях, а не в банальном везении.

– Я понимаю, – терпеливо согласился Иедаван. – А также и то, что это нападение подтверждает твою правдивость вернее, чем слова твоего командира. Ты знаешь, что четверо нападавших на тебя людей умерли?

– От чего? – удивилась Кайндел.

– Ты не знаешь? Они задохнулись.

– А, понятно… Не выдержали.

– Раз тебе понятно, объясни. Потому что мне не понятно. Никакой особенной магии на них применено не было. Чем ты защищалась?

– Вы… Ты знаешь, что такое иллюзия?

– Знаю.

– Я использовала иллюзии для того, чтоб помешать им напасть на меня. По возможности отвлечь. Как я понимаю, иллюзия нахлынувшей воды оказалась слишком убедительной, и четверо из бойцов, поверив, захлебнулись.

Правитель смотрел, доброжелательно улыбаясь, но по его глазам девушка догадалась, что он едва ли понимает, о чем она говорит. Возможно, проблема заключалась в том, что он плохо знал чужой язык, и теперь пытался сперва понять, что

именно было сказано, а потом подобрать аналоги своего родного языка и уже разбираться с ними.

– Они захлебнулись? – переспросил он.

– Да. Утонули в воде, которой не было.

– Как это возможно?

– Они поверили, что вода была. Сознание, которое было в этом уверено, в результате оказалось сильнее тела и убило его потому, что гибель показалась ему неизбежной… Я непонятно объясняю?

– Нет, все понятно. – Глаза Иедавана блеснули. – Я полагал иллюзии лишь неопасным изображением, годным на развлечения. А это, оказывается, оружие.

– Хорошая иллюзия – страшное оружие. Если под ногами у человека разверзается иллюзорная пропасть, он либо погибнет от разрыва сердца в процессе «падения», либо от черепно-мозговой травмы уже в самом конце. Или шею сломает.

– Черепно… Что?

– Ну головой ударится. То есть не ударится, но будет уверен, что ударился, и умрет от этой уверенности.

– Думаю, я понял, что ты хотела сказать. Но для уверенности продемонстрируй мне свою особую магию. Только не такую убийственную, – и уважительно улыбнулся.

– Я не могу, – с сожалением ответила девушка. – Я ведь не мастер-иллюзорник. У меня был хороший артефакт, сделанный мастером, но я его исчерпала. Наши мастера пока еще

не научились делать магические артефакты подобного класса, да чтоб пользоваться постоянно.

– Понимаю. Впрочем, это и неважно. – Правитель пристально разглядывал курсантку. – Я хотел задать тебе пару вопросов. Насчет твоего умения. По поводу дела будет проведено дополнительное расследование, разумеется. Мне нужно знать правду. Может ли твое искусство помочь тебе добиться правды от людей, на которых ты указала как сказавших неправду? А также узнать от них то, что они не желают говорить?

– Не могу этого обещать, – с сомнением протянула девушка. – Беда в том, что иавернского языка я не знаю. Лишь хорошо зная язык и понимая во всех оттенках и подробностях речь и обмолвки человека, я могу выцедить из его слов то, что он не хотел говорить.

– А если тебе помогут чары моего мага?

Кайндел с интересом взглянула на собеседника.

– Чем именно мне могут помочь эти чары?

– Узнать язык. Выучить его…

– А ваш чародей сможет вложить мне в голову язык во всех подробностях?

– Он сказал, что может попытаться.

Иедаван внимательно смотрел на девушку, и та прекрасно поняла, о чем он думает. «Если она охотно согласится, значит, действительно способна на что-то. Если откажется – это доказательство того, что девчонке просто повезло».

– Как мне доказать вам? – миролюбиво спросила курсантка.

– Что именно?

– Что я ничего не придумываю. Что действительно владею некоторыми навыками мирного извлечения информации из людей, которые делиться ею не хотят. Но, поскольку все мои наработки и навыки ориентированы на психологию моих соотечественников, то осечка при работе с иавернцами вполне вероятна. Не по моей вине.

Правитель сдержанно улыбнулся.

– Я готов поверить. Хоть это мне и нелегко. То, о чем ты говоришь, очень непривычно. Но на помощь моего чародея ты согласна?

– Разумеется. Один только факт, что есть возможность освоить язык, не приложив никаких усилий, уже сам по себе – огромная удача. Если, конечно, у вашего чародея получится.

– А почему ты считаешь, что не получится?

– Он привычен работать с энергетикой людей. Не так ли?

– Верно.

– Со мной у него может не получиться.

Мужчина слегка наклонил голову.

Она, пожалуй, только теперь смогла рассмотреть его повнимательнее. Прежде лишь отмечала, что он невысок, особенно по меркам ее соотечественников, что чисто бреется, что волосы коротко подстрижены, и что одевается очень

скромно, особенно на фоне собственных чиновников, ярких, словно попугаи (должно быть, чтобы их уж точно не приняли за обычных обывателей). Еще отметила, насколько он сдержан и невозмутим, и как трудно проникнуть сквозь его маску, если в этом возникает надобность.

Теперь же она увидела в нем и многое другое. Пытаясь распознать, насколько она искренна, мужчина сам открывался, и в глубине его души курсантка чувствовала смятение и беспокойство. Что-то очень неприятное и угрожающее происходило сейчас в Иаверне, и с этим «чем-то» был связан пресловутый судебный процесс. И его неожиданный поворот ставил очень много новых вопросов, причем это серьезно беспокоило правителя.

К тому же девушка поневоле отдала должное внутренней силе собеседника. Чувствовалось, что если его и волнует что-то, мало кто сможет это почувствовать. Да и она сама не взялась бы судить. Насколько опасно то, что происходит сейчас в замке или же может произойти, о чем Иедаван узнал внезапно, либо же вдруг понял. Кайндел вполне отдавала себе отчет в том, что при всех ее способностях она не сможет сейчас добиться от мужчины ответа на все ее вопросы. Поэтому до поры до времени решила их вообще не задавать. Тем более что для нее пока не имело значения, в чем именно заключается дело, которое предстоит разбирать. Важно лишь, что скрывают иавернцы, лгавшие на процессе.

– У моего чародея может не получиться, потому что ты

принадлежишь к нечеловеческой расе?

Она удивилась – ей как-то не приходило в голову, что местный правитель может это знать. Или же придавать какое-то значение.

– Ну например.

– Я думаю, он попытается. Если ты не возражаешь.

– Я не возражаю.

– Хорошо. Я побеседую с твоим командиром и попробую получить его согласие. И еще – к тебе будет приставлена охрана. Я не хочу, чтоб кто-то еще раз попытался на тебя напасть.

– Я этого тоже не хочу, – согласилась она.

На переговорах между Одином, главой ОСН и Александром, главой сообщества техномагов, Кайндел по большей части просто сидела, держа на коленях папку, и смотрела в стену. При таком повороте головы краем глаза она накрывала и лицо техномага, и лицо собственного «начальства», а большее ей и не требовалось. Один вообще девушке не сказал ни слова. Роннан, непосредственно перед тем, как вручить ей папку с документами, уделил курсантке минутку своего внимания, но никаких конкретных заданий не дал. Только повторил два раза: «Смотри в оба!» У нее появилось ощущение, что старшие офицеры Организации опасаются чего-то конкретного, однако не желают говорить прямо – чего.

И в свете случившегося с одним из ее источников беспо-

койство, пожалуй, даже понятно.

Единственный раз девушка немного оживилась и повернула голову к Александру – когда он заговорил о некоей организации, недавно активизировавшейся в Петербурге. Речь шла, собственно, о поклонниках книг Лукьяненко, о двух Дозорах, Дневном и Ночном. Их существование, по идее, не было тайной для ОСН, однако даже после рассказа Кайндел о ее столкновении с представителями этих сообществ к ним относились скорее как к блажи пары десятков подростков – не более того.

Однако, если судить по упомянутым на переговорах фактам, Дозоры, не имея особого желания (да и возможности) воевать между собой, объединились и теперь затевали что-то невнятное. С какой целью – загадка. Сколько их там – загадка. Вот только курсантка была уверена, что сдержанная тревога в тоне Александра ей не почудилась. Она подождала естественной паузы в разговоре и вставила пару вопросов. Глава техномагического сообщества немного удивился – сейчас он явно видел в девушке только секретаря, ничего больше – однако, не заметив, чтобы Один возражал против поступка спутницы, ответил ей.

Вопрос, казалось, совершенно не относится к делу.

– Ну, что ты можешь сказать обо всем этом? – с неожиданной мягкостью в голосе спросил ее Один, как только Александр, распрощавшись, вышел из комнаты (провожать его к машинам пошел Роннан).

– О предмете договора? – уточнила она.

– Нет, разумеется, – мужчина поморщился. – Что такого уж важного ты можешь сказать по поводу предмета договора… Обычный взаимовыгодный контракт, ничего больше. Надеюсь, ты не возражаешь, что я так вольно распоряжаюсь энергией твоих источников?

– Нисколько, – усмехнулась девушка. – Я же дала карт-бланш…

– Меня интересует, что ты можешь сказать по поводу утечки энергии? Насчет таинственного артефакта или заклинательной системы, использованной для этого.

– Ничего. Александр, отвечая на твой прямой вопрос, с вероятностью девяносто пять против пяти не кривил душой.

Один посмотрел на собеседницу с сомнением.

– Но если не техномаги, то кто? Как полагаешь?

– А кто угодно. В мире, несмотря на все ваши усилия, по-прежнему такой беспорядок творится, что…

– Ну-ну, – усмехнулся глава Организации. – Камень в мой огород. Я понял. Пойдем-ка, чаю попьем и побеседуем.

Встреча проходила в штаб-квартире ОСН на канале Грибоедова, сюда большой мини-вэн с тонированными стеклами привез Александра и его охрану, а также двух секретарей, а теперь увез их всех отсюда. Глава сообщества техномагов даже не стал оставаться на чаепитие, вежливо извинился и пояснил, что у него уйма срочных дел, хотя он чрезвычайно ценит местное гостеприимство и отказывается от

него с большим прискорбием. Словом, никто не обиделся, и на роскошный стол напустили офицеров Организации, а также обслугу, которая все это готовила и сервировала. Не пропадать же добру, в самом деле.

В кабинет Одина подали бутерброды-канапе с ветчиной, сыром и кружочками домашних подкопченных колбасок, половину утки с черносливом, пирог с крольчатиной, рис по-индийски, три разных салата, маринованные огурчики, соленые лисички, гренки с сыром и паприкой на листьях пекинской капусты и заверили, что к чаю тоже будет что подать. Кайндел оглядела стол с сомнением.

– Что-то не нравится? – поинтересовался мужчина, снимая парадный китель и аккуратно вешая его на спинку кресла. – Наверняка на кухне найдется и что-нибудь еще, на твой вкус.

– Нет, мне очень интересно: не ожидают же они, что мы все это съедим?

– Честно говоря, я за утро так проголодался, что половину всего этого без напряжения умну. А ты – вторую половину.

– Второй половины мне хватит на неделю, самое меньшее, – усмехнулась Кайндел, садясь за стол и наливая себе чаю. Папку она положила рядом, понимая, что ее не кормить сюда привели, а обсуждать какие-то дела.

– Что так? – Глава ОСН придвинул ей свою кружку, куда помещалось уж никак не меньше полулитра. – Фигуру блюдешь?

– Нет. Аппетита нет. – И зачерпнула ложечкой немного салата с постным маслом.

– Тогда давай к делу. Как я понял, непосредственно насчет договора с техномагами ты мне ничего не хочешь сказать?

– Почти ничего. Договор взаимовыгодный, – она пожала плечами. – Ничего удивительного, что Александр готов скрупулезно соблюдать его. Даже более того – он не возражал бы и в том случае, если бы ты решил несколько поднять цену.

– Ты даже такие подробности способна выцедить из чужого взгляда? И уверена в том, что говоришь?

– Конечно. Впрочем, и его тоже можно понять. Серьезных источников энергии в окрестностях Петербурга всего-то три, из них техномагам не принадлежит ни одного. С Алым Кругом они на эту тему договариваться не станут. Значит, ОСН фактически монополист.

– А почему, по-твоему, техномаги не станут сговариваться с Кругом? Ведь деловые отношения они допускают.

– Одно дело «купи-продай», другое – долговременные и фактически зависимые отношения.

– Ну, зависимыми их не назовешь, – прогудел Один. – Все-таки ребята единственные делают магическую технику, да и телепортация пока еще исключительно ихний эксклюзив.

– Все верно. Однако Ночь предпочитает иметь дело с представителями нечеловеческих рас. Вряд ли она станет

столь же скрупулезно держать слово относительно человека. Александр, который знал ее еще в прежние времена, это хорошо понимает. Они не слишком ладили…

– Господи, чем ей люди-то не угодили?

Кайндел тонко улыбнулась.

– Ну, это-то как раз можно понять.

Несколько мгновений мужчина молча разглядывал ее с таким выражением лица, с каким увлеченный энтомолог может рассматривать редкую бабочку – с оживлением и восторгом – и заодно решать, как бы ее поймать наверняка, да так, чтобы не попортить. У главы ОСН частенько появлялось подобное выражение, но оно не означало ничего плохого. Просто он вдумывался в чужие слова.

– Допустим. Ладно, нам же лучше. Хорошо, если не техномаги, то давай думать, кто это может быть.

– Повторюсь – кто угодно. Кстати, Александр упоминал некие Дозоры… Тебе поступала какая-нибудь информация по поводу их местонахождения и затей? – курсантка уже давно привыкла в беседах наедине с Одином говорить ему «ты», как равному. Да и не до церемоний было. Мужчина не возражал.

– Замечательно ты выразилась – «затеи». Да, именно затеи. Информация, разумеется, поступала. Ребята пытаются вести себя, как хозяева города, и это выглядело бы забавно, если б они не применяли силу к тем, кто их главенства не признает. Меня здорово настораживает также и тот факт, что

местонахождение их штаб-квартиры или там убежища никто из наших ребят определить не смог. Техномаги утверждают, что также не знают, где эти Дозоры спрятались.

– Однако они существуют. Я с ними сталкивалась.

– Да, ты рассказывала. Я помню. Эти «дозорные» явно были в сговоре с Ночью и ее людьми.

– С ними ей проще договориться. Они ведь не называют себя людьми, они вроде как «иные».

– А что – достаточно назвать, чтоб показаться госпоже Ночи достойными сотрудничества?

– В нынешнем мире ситуация такова, что назваться – уже полдела.

– Хм… М-да… Может быть. Однако факт остается фактом – найти их убежище мы не смогли.

Девушка наморщила лоб.

– А не было ли последнее время в городе каких-нибудь вспышек магической активности… Ну там, фон внезапно повышался, словом, затевалось что-то чародейское?

– Неужели ты думаешь, мы об этом не подумали в первую очередь? Разумеется, проверяли. Однако таких мест в городе в последнее время было настолько много, что все их пока не закончили проверять. Причем пока заканчивают проверять одни, тут же появляются другие.

– Это понятно. Однако если энергию из источника брали в каком-то конкретном месяце, то и применять в деле должны были тогда же. Сам посуди, ее же надо куда-то девать, если

нет возможности хранить.

– А может, они уже и способ хранения нашли? – предположил он.

– И сумели так спрятаться от твоих людей, что те их в упор не видят. Вопрос – почему тогда они еще власть в городе не захватили, раз такие крутые?

– Лучше предполагать худшее и рассчитывать на лучшее, Виктория.

– Лучше Кайндел. Пожалуйста… Не думаю, что наш противник настолько искусен, чтоб уж и энергию собирать впрок. Скорее уж использовал ее сразу же. К примеру, для того, чтоб никто их не видел.

– Полагаешь, Дозоры могли своровать энергию для маскировки своей штаб-квартиры?

– Дело ведь не в одной маскировке, или там в сохранении, или использовании энергии. А в том, на что еще они способны. Или кто именно способен. Ни одно сообщество магов по нынешним временам не может оставаться совершенно незаметным. Или вот, к примеру, ребята на лодьях, о которых я тоже упоминала. О них что-нибудь известно?

– Да. – Один задумчиво поболтал ложечкой в чашке. – Пираты нашего времени. Сейчас выясняем, где их база. Но, похоже, в отдалении от города, на другом берегу Ладоги. Город они не грабят, «шалят» только в мелких городишках и селах. Правда, это не имеет значения, спокойствие деревенского населения нам, пожалуй, даже важнее, потому что го-

рожанам иначе кушать будет нечего. Крупная банда, судя по всему. Были б у меня здесь ударные части, мы б с ними разобрались до окончания страды. Но сейчас под Москвой очень тяжелое положение, я не могу забрать оттуда ни одного отделения.

– Все лучшее Москве, это известно…

– Иронию понимаю. Но такова уж ситуация. Надо как-то продержаться хотя бы месяц, тогда я смогу вернуть сюда часть войск и обезопасить фермеров от бандитов. Пока же придется как-то выкручиваться.

– Кому – фермерам или нам?

– Естественно, нам. Фермеры и так делают что могут. Они нас кормят.

– Это мне такое задание – выкручиваться? – сдержанно уточнила девушка.

– Разумеется, нет. Тебе предстоит выяснять, куда делась энергия и кто ее забрал. И зачем. А главное – как. Остальное – в ведении моих заместителей.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как глава Организации Спецназначения стал допускать курсантку к серьезным, в каком-то смысле масштабным проблемам, пользоваться ее услугами как оператора информации. Но в тот же момент, когда это началось, Кайндел поняла, что иметь полную исчерпывающую информацию о деятельности и планах ОСН не будет все равно. Она была осведомлена о ходе дел лишь в рамках того вопроса, которым занималась, и не

более того.

И не возражала против подобной постановки вопроса. В конце концов, это было разумно.

– Помимо того, – продолжил Один, прожевав кусок пирога. – Растолкуй-ка мне, что там у тебя за каша заварилась в Иаверне? Месяца там не пожила, а уже, считай, скандал… Нет, про процесс мне не повторяй, от Офицера я уже все услышал. Расскажи мне про то, что тамошний правитель от тебя хочет и чем это может тебе грозить?

– Как всегда. Тем, что меня немножко убьют.

– Не согласен. У меня на тебя много планов.

– Да и лорд Иедаван, кажется, в этом не заинтересован. Так что его люди будут меня охранять. Не волнуйся.

– Ладно. Не буду. Только учти одно – мне нужны хорошие отношения с иавернцами. Конкретно – с этим лордом Иедаваном. С правителем. Поэтому со всяческой осторожностью, оберегая себя и свое здоровье, детка, постарайся ему помочь. Договорились?

– Да. Конечно, – Кайндел помассировала виски, потому что ей показалось, что головная боль притаилась за плечом. Но потом вспомнила, что с тех пор, как с нею произошло последнее физиологическое изменение, мигрени ушли в прошлое, и сразу стало понятно – она просто перенервничала и хочет отоспаться. – Я помогу правителю, тем более что мне за это уже посулили доскональное знание иавернского, причем магическим путем, то есть сразу.

– За это?

– Ну… Для этого. Однако тоже полезная штука.

– Смотри, не перетрудись.

– Постараюсь… Кстати, как там насчет Вейовии? Ты беседовал с тамошним директором?

– Не я. Роннан. Но, как ты и предполагала, он ничего не знает о том, как именно поступила к нему энергия. Знает откуда, но не в курсе как… Он лишь воспользовался тем, что ему предложили взамен на услуги, и серьезные…

– Кто предложил? Что за услуги?

– Внятного ответа на первый твой вопрос мы не добились от него. Похоже, он и сам не знает, кто это был. Услуги – разумеется, обучение. Бесплатное обучение в его школе для пятерых студентов.

– Вы с ними побеседовали? – Кайндел приподнялась.

– Пока нет, – Один развел руками. – Этим Роннан займется. Ты понимаешь сама, мы не можем просто взять и арестовать этих пятерых, и допрашивать их, как нам вздумается. Мы пока еще здесь не хозяева, на это директор школы нам внятно намекнул, и, как ни прискорбно, он прав, – глава ОСН с деланым смущением развел руками, мол, пойми правильно мою шутку о «хозяевах». Она поняла. – Уже хорошо, что мы получили от директора разрешение поговорить с ними. Я сегодня отбываю в Москву, а завтра мой зам со студентами поговорит еще раз, более вдумчиво. У него не было времени тогда обсудить с ними все обстоятельно.

– Хорошо было бы, если б мне позволили с ними поговорить.

– Ладно, – Один покосился на собеседницу и поднял со стола мобильный телефон. – Сказать, чтоб принесли десерт?

– Да, пожалуйста… Но все-таки, мне кажется, к этой школе стоит присмотреться.

– Как и ко всему вокруг, Кайндел. Конечно, стоит.

– Но сейчас ты разрешаешь мне заниматься проблемой Иедавана? Я имею в виду – в первую очередь…

– Да. Буду тебе очень признателен, если для ОСН ты установишь хорошие дипломатические отношения с Иаверном.

– Они и так, по-моему, неплохие…

– Они пока никакие. К нам просто присматриваются… Ладно, – Один покосился на часы. – Извини, у меня уже нет времени. Сейчас принесут десерт, и я отправлю к тебе Роннана. Побеседуете.

Как только Один вышел из кабинета, Кайндел взяла чашку с чаем и пересела на подоконник. Кабинетик был крошечный, каких-нибудь метров шесть квадратных, только компьютер на большом столе, край которого теперь был занят тарелками и чашками, два легких кресла без спинок да узкий-узкий стеллаж, где папки вставали только вдоль, «лицом» к посетителю. Вместо штор, которые хозяин кабинета так любил, здесь висели жалюзи. Словом, комнатушка явно служила запасным вариантом – Один предпочитал работать на карельских военных базах, приспособленных под нужды

ОСН, там у него имелись обширные комфортные кабинеты на все случаи жизни.

Принесли мороженое, потом, должно быть, забыв – еще одну порцию. Она так и осталась таять в вазочке, девушка лишь вяло поковырялась ложечкой и отодвинула – есть ей больше не хотелось. Налила себе еще немного чаю и, вынув из кармана пробирку, задумчиво поболтала ею в воздухе. Белые крупинки, словно настоящий снег, сдвинутый в места ветром, завертелись за стеклом. Порции было достаточно на два раза… Но слишком уж мало времени прошло с последнего приема. Кайндел, хоть и помнила, что ее физиология давно уже отличается от человеческой, опасалась переборщить. Становиться зависимой от «снега» не хотелось конечно же.

Словно отвечая ее мыслям, дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Старший.

Он пришел в себя после плена у Ночи и того, что с ним там произошло, однако чувствовалось – он помнит все, и вряд ли когда-нибудь по-настоящему придет в себя. Больше всего на свете он боялся не получить вовремя необходимую ему порцию «снадобья», и поэтому первое, на что посмотрел, заглянув в комнату, была пробирка в ее руках. Увидев «кристаллический снег» он, казалось, мгновенно забыл, что ему нужно, и молча замер.

Внешне он изменился так же сильно, как внутренне. Волосы, прежде черные как смоль, лишь с легкой проседью

на висках, стали полностью седыми, а белки глаз пронизали сотни мелких кровеносных сосудиков. С непривычки на Старшего жутковато было смотреть, но он относился к этому терпеливо, и, казалось, совсем не обижался. Скорее всего, его намного больше угнетала необходимость ежедневно принимать порцию вещества, которое он считал наркотиком, чтобы не умереть в мучениях.

Обретенными в обмен способностями он не стремился пользоваться или хотя бы научиться с ними жить. Кайндел пыталась объяснить ему, с чего именно начинать, и он слушал, однако девушка чувствовала – эти объяснения ему не нужны, и вряд ли будут использованы. Видения, время от времени накатывающие на него, офицера ОСН, просто пугали. Было видно, что он многое отдал бы за то, чтобы никогда их не видеть. И все – лишь бы вернуться в прежнее состояние.

Курсантка пожала плечами и убрала пробирку.

– М-да, – пробормотал альбинос. – Извини. Пытался вспомнить, что я такое видел сегодня во сне… Ну в таком сне, ты понимаешь.

– Вам надо попробовать помедитировать, – произнесла она, не слишком надеясь, что ее все-таки послушают. – Если во время медитации вы настроитесь на восприятие, ночное видение будет более структурированным.

– Ты уверена? – спросил Старший без особого интереса. – Может, ты и права. Надо будет попробовать… Идем, тебя

Роннан просил привести.

В коридорах оказалось шумно и людно. По общему оживлению, по тому, как торопливо бегали туда-сюда мужчины и женщины в форменной одежде, в большинстве своем Кайндел незнакомые, легко было заключить, что затевается какое-то очень важное дело. Впрочем, догадаться было несложно, ведь Один отбывал в столицу. «Через пару часов здесь будет пустынно», – подумала девушка.

Роннан распоряжался в арсенале. Здесь в изобилии имелись автоматы, пистолеты-пулеметы, даже одна портативная ракетная установка. Но привычную картину теперь несколько нарушали мечи, разложенные на ступенчатых подставках, и кое-какое холодное оружие помимо того. Магические клинки постепенно входили в обиход, каждый из них изготавливали в кузне прадедовскими методами (разве что слегка разбавив прадедовский инструмент современными приспособлениями) и там же зачаровывали. Кайндел вспомнила, что первые два меча из выставленных здесь зачаровала сама, разумеется, не без помощи Варлока (который пристроился рядом, якобы чтобы посмотреть и поучиться, в результате сделал две трети работы, и намного лучше, чем могла бы она сама). Над остальными корпели маги, преуспевшие в искусстве составления магических систем, пригодных для того, чтобы вкладывать их в предметы.

Заместитель главы ОСН обернулся и взглянул на курсантку рассеянно и даже с некоторым раздражением, мол, тебя

еще тут не хватало, и так работы много.

– Почему ты здесь? Тебя тоже сейчас будут перемещать. Обратно в Иаверн. Подожди, я сейчас закончу и скажу тебе пару слов по поводу твоих дополнительных обязанностей…

– Но Один сказал мне, что мне следует поприсутствовать при беседе с учениками некоей школы, – напомнила девушка, косясь на окружающих – тех, кому, может, и не положено было знать о Вейовии и Дозорах.

Роннан поморщился.

– Отпадает. Ладно, сейчас. Отойди в сторонку, будь добра. Сейчас я освобожусь.

Кайндел отступила к стене, и, тяготясь ничегонеделаньем, стала рассматривать развешанные перед ней ножи необычной формы. Холодное оружие, напоенное магией, мастера ОСН стали изготавливать лишь недавно, еще плохо представляли себе тонкости его использования в бою, и не были уверены, что удобнее – длинный или короткий клинок. Глупо было в этом вопросе опираться на устоявшиеся «литературные» представления. Меч, конечно, романтичнее и все такое, однако, фехтуя с противником (особенно если у тебя и у него в руке тяжелые клинки скандинавского типа), вряд ли сможешь непринужденно выкроить удобный момент, чтобы использовать свое оружие как артефакт.

В бою следишь только за плечами и мечом противника, да за тем, что происходит по сторонам. Плечи и руки ломит, ноги ноют – словом, лишних нескольких секунд и лишнего

грана внимания просто может не хватить. Ведь для любого магического действа, даже того, которое просто читает готовую магическую структуру с артефакта, требуется особое состояние. Как сделать так, чтобы предмет сам, без вмешательства владельца, пускал чары в ход, маги еще не додумались.

С этой точки зрения нож все-таки удобнее. Он не оттягивает рук, и манера обращения с ним позволяет в любой момент добиться достаточной дистанции между собой и противником, чтобы успеть пустить магию в ход. Другое дело, современная манера ведения войны едва ли подразумевала поножовщину как самый распространенный вариант тактического взаимодействия отрядов. Поэтому вопрос оставался открытым.

Один из этих ножей девушка подержала в руке. Было видно сразу, что изделие не штампованное, а откованное вручную – только в подобные можно было с уверенностью вкладывать самые мощные и действенные магические структуры.

– Кайндел! – окликнул ее Роннан. – Подойди. И оставь нож в покое, он не для тебя делался.

– Один сказал мне… – подходя, начала повторять она.

Однако зам главы ОСН не дал ей закончить.

– Он не в курсе. Собственно, и не было необходимости посвящать его во все подробности этого дела до его завершения. У него сейчас и так много дел. Странно, что он тратит время и внимание на питерские дела. Ученички, о которых идет речь, успели по-тихому слинять неизвестно куда, еще

тогда, в самом начале, после первой беглой беседы с ними. Впрочем, вряд ли из них удалось бы вытянуть что-нибудь более содержательное, чем тогда.

– Но…

– Так что отправляйся в мой кабинет, туда скоро подойдет Вадим и переправит тебя обратно в Иаверн. Там постарайся помочь правителю в расследовании и одновременно выяснить, в чем именно заключается его проблема, что это за предательство, в котором обвинялся Илванхад (тот самый подсудимый, за которого ты столь блистательно заступилась)… Словом, все-все. Это может быть нам полезно. Одновременно выясни, нет ли каких-нибудь других правителей или там претендентов на место Иедавана – словом, кого-то, с кем ему придется в ближайшее время воевать. В таком случае, понятно, военной помощи от него не дождешься. Все понятно? Вопросы есть?

– Есть, – проговорила Кайндел, насупившись. – Я одного не понимаю – Организации вообще по фигу, кто в Питере пытается подгрести под себя власть, или все-таки нет? Считает ли Организация нужным выяснить, что это за Дозоры такие в городе появились, чего хотят и что от них можно ожидать?

Роннан усмехнулся, глядя на девушку сверху вниз. Он и так-то был на голову выше нее, а тут еще взгляд был призван указать собеседнику на его место, не самое завидное. Уши ее вспыхнули, однако она упрямо поджала губы, уверенная,

что права (потому что вообще предпочитала не совершать необдуманных поступков), и продолжала смотреть на собеседника, причем очень даже вызывающе.

– Организация много что считает нужным, – холодно произнес мужчина. – Пока тебе об этом не нужно знать. Однако ты все-таки помни, что мы – конгломерат, состоящий из полувоенных и военных людей. И штатские привычки тебе лучше оставить за порогом. Не волнуйся, как только я решу, что твое участие в этом деле целесообразно, я дам тебе исчерпывающую информацию.

– И все-таки тебе не сравниться с Одином, – впервые за много времени Кайндел совершила необдуманный поступок. Она, собственно, и не собиралась ссориться с Роннаном, не стремилась к этому, просто ситуация и обращение привели ее в крайнюю степень раздражения. Сказалась и усталость, конечно. Она дала себе волю, но лишь потому, что почувствовала – это безопасно.

Он расхохотался в ответ, и это, как ни странно, ее совсем не удивило.

– Безотносительно данной ситуации – ты слышала о таком приеме, как «два следователя»?

– Разумеется.

– …Это когда один следователь подчеркнуто добр, внимателен, ласков, а другой – особенно злобен… Тебе стоило бы понимать, что Один ведет себя так, как считает нужным. И полезным для дела. И у каждого его жеста есть своя при-

чина.

– Как и почти у любого человека. Именно Один предположил, что мне полезно будет начать разбираться с происходящим в городе прямо сейчас. Я не претендую на знание всех тонкостей политической обстановки. Мне просто надо выяснить, кто потырил энергию из моего источника, и первым делом исключить или подтвердить участие в этом предприятии этих двух придурочных Дозоров…

– Сперва надо еще доказать, что подобная организация вообще существует…

– Она существует, я это знаю.

– Только по тому, что тогда на тебя напали трое ребят, отрекомендовавшихся «дозорными»? Не смеши меня. Это могли быть гопники из соседнего двора. А могли быть просто люди Ночи, которые таким вот образом запудрили тебе мозги.

– Не могли быть. Мне весьма сложно вот так, на ходу, запудрить мозги.

Роннан прищурился.

– Ты здорово себя переоцениваешь. Не к твоей это чести, вот что скажу. Надо быть критичнее.

– А лучше оценивать ситуацию адекватно. Вы попробовать-то почему не хотите?

– Что – попробовать?

– Взять «языка» и выяснить, действительно ли «Дозоры» – это просто группка дворовой гопоты?

– Хвалишься, что тебя не обмануть, а сама не слышишь прямо сказанных вещей. Повторяю – ребятки, предположительно относящиеся к искомой организации, сделали ноги из Вейовии, причем в неизвестном направлении.

– Я слышала. Я запомнила. Почему не попробовать отловить других?

– Где?

– У Ротонды. Дом пятьдесят семь по Гороховой. Угол набережной Фонтанки.

– Я знаю, о чем идет речь. Только там по нынешним временам, Кайндел, можно отловить вообще кого угодно. Сатанистов, гото-магов, колдунов, даже вампиров… Их, кстати, развелось. Давеча один в полном расстройстве пришел к нам сдаваться…

– С чего это? – удивилась девушка, остывая. Теперь, когда разговор перешел на спокойный тон равных, от ее раздражения не осталось и следа.

– Внезапно понял, что он вампир. Перепугался. И решил, что нужно сдаться властям. Пока не совершил никаких правонарушений. Пошел в милицию. Перепутал ее со старой штаб-квартирой ОМОНа. Ну вот, попал к нам.

– А вы что?

– А мы взяли. Не пропадать же добру. По нынешним временам, пока человеческая магия не набрала силу, вампир – это мощное оружие. Его уже успокоили, чаем отпоили…

– Странно, что не пытались отпаивать донорской кро-

вью, – рассмеялась курсантка.

– Нету у нас. А что – стоило бы?

– Да бесполезно. Вампир ведь пьет не столько кровь, сколько энергию и энергетику жертвы. А что там в донорской крови сохраняется… Только и слово, что кровь, а так – жидкость жидкостью… Ему можно пленника какого-нибудь скормить. Или преступника. Кого не жалко.

– Разберемся. Пока парень вроде без крови не помирает. И не помрет, надеюсь.

– Но, возвращаясь к идее поймать кого-нибудь из «дозорных» на живца – если попытаться прибрать к рукам Ротонду, возможно, кто-то из них появится.

Роннан покачал головой.

– Возможно да, а возможно и нет. В любом случае сейчас я этим заниматься не буду. И ты тоже. Ты отправишься в Иаверн и будешь налаживать отношения ОСН с тамошним правителем.

– И заодно шпионить за ним, я поняла.

– Да, пожалуй, – мужчина сощурил глаза. – Пожалуй. И давай договоримся так. В стране сейчас военное положение, с этим приходится считаться. Давай-ка, при всем моем терпеливом отношении к твоей неармейской манере поведения, не будем об этом забывать. И не будем вынуждать меня тратить на отдачу приказа слишком много времени. Договорились?

– Так точно, – хмуро пробормотала девушка.

– Замечательно. Отправляйся в мой кабинет и готовься к переходу в Иаверн.

– Есть.

Выйдя из арсенала, Кайндел лишь недоуменно пожала плечами. «В сущности, – подумала она, – это, наверное, даже хорошо. По крайней мере, каждым порученным мне делом я смогу заниматься по очереди».

Подставляя Вадиму руки и плечи, на которых он размещал «метки» – крошечные артефакты, для удобства прикрепленные к булавкам, она тем не менее продолжала обдумывать то, что происходило в Петербурге, а не в заснеженном Иаверне, где ей вскоре предстояло буквально включаться в схватку за власть (не иначе, уж меньшая забота вряд ли могла заставить тамошних высокопоставленных лордов пойти на лжесвидетельство и фальсификацию доказательств в измене сюзерену, судя по тамошним нравам). Девушка снова размышляла о том, что энергия явно была нужна на что-то крупное, а какие крупные магические действия в нынешнем мире по плечу чародеям? Их можно по пальцам двух рук пересчитать. И логично было бы начать логические выкладки именно с этого.

Итак, на что может понадобиться большой объем энергии? На телепорт или портал в другой мир. Сам факт подобной магии трудно спрятать от чужих глаз. На что еще? На создание большого количества артефактов? Вряд ли. Тут разумнее набирать энергию постепенно, расходовать так же,

потому что способ изготовления любого хорошего чародейского предмета из доступных сейчас требовал постепенного формирования магической структуры одновременно с физической. Впрочем, что она знает о новых артефактах? Может, ситуация уже и изменилась…

Воображение Кайндел забуксовало. Она прикусила губу и зажмурилась, пытаясь сообразить, какие еще могут быть тут варианты. В тот же самый момент ее настигло ненавистное ощущение перехода из мира в мир, и она не удержалась, согнулась, рухнула на руки Офицера, смутно вспоминая, что, кажется, сгибаться-то как раз и не стоило.

– Уй, ёлки… – выдавила она, отдышавшись.

– Все нормально.

– Извини…

– Да брось! «Извини» – это в прошлый раз, а сейчас-то что, – добродушно ответил мужчина.

Пытаясь проморгаться, девушка уставилась на собеседника с недоумением, пытаясь понять, кто это, с голосом и. о. куратора, взялся острить. Для нее это было столь же невероятно, как и увидеть разговаривающую на человеческом языке ворону. Не дожидаясь реакции, Офицер аккуратно поставил ее на пол и заставил выпрямиться.

– Тебе нехорошо? – уточнил он.

– Нормально… Сейчас… – Она потерла лицо. – Ну если не телепорт, то какая-то магическая система. Надо только сообразить, для чего она может быть нужна.

– Ты о чем это?

– А? Это я так, своим мыслям. Извини.

– Иди, отлеживайся. Но недолго. Местный правитель уже два раза спрашивал о тебе, видимо, у него все готово.

– Ага, – Кайндел окончательно утвердилась в вертикальном положении и, наконец, поняла, что именно в покоях Офицера, куда, собственно, переносило их всех, путешествующих между родным миром и Иаверном, ей с самого начала показалось странным.

Раньше она всегда оказывалась здесь один на один с хозяином этой комнаты, и для остальных оэсэновцев был предусмотрен аналогичный щадящий вариант – ну не всем понравится, чтобы окружающие видели, как их выворачивает и колбасит. Теперь же здесь ждали двое местных мужиков в тонких кольчугах, при мечах, кинжалах, с легкими маленькими щитами и при защитных артефактах. Последние были настолько заметными, что девушка чувствовала их, даже не пуская в ход магическое видение. Они с ничего не выражающими лицами ждали, и когда Кайндел направилась к двери, пошли за ней.

В присутствии этой молчаливой охраны она чувствовала себя не лучшим образом. Однако понимала, что любая попытка хотя бы отдалить их от себя или попросить не лезть следом за нею в спальню, которую курсантка делила с подругой-иномирянкой, натолкнется на полнейшее непонимание и принесет не больше толку, чем волны, разбивающиеся о

каменный утес. Каждый, кто встречался им на пути, удостаивался внимательного «прицеливающегося» взгляда, а Лети, радостно кинувшуюся было к Кайндел, своей на нее реакцией вообще напугали.

Сдвинув брови, девушка многозначительно посмотрела на своих телохранителей, однако ответная реакция напрочь отсутствовала.

– Не обращай на них внимания, – сказала она, догадавшись, что и на прочие ее попытки что-то изменить ответ будет аналогичным, то есть нулевым, и спокойно повалилась на кровать. – Тем более, мой родной язык они не понимают.

– Какие они… мрачные, – опасливо косясь на телохранителей, произнесла Лети и присела в кресло. Обычно она сворачивалась в нем клубочком, но в присутствии посторонних явно робела делать это и поэтому держалась напряженно.

– Видимо, это традиция местных телохранителей, – Кайндел отмахнулась и прикрыла глаза. – Много я пропустила?

– Как всегда…

Голос Лети уплывал. К тому же он был мягким и негромким, и девушка незаметно задремала под него. Ее разбудил даже не толчок в плечо, а просто то, что над ней нагнулись, и, откатываясь на другую половину кровати с бешено стучащим сердцем, она в глубине сознания поневоле отдала должное своей выучке, постепенно переходящей в привычку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.